

Богословско-историческая коллекция
Духовные учебные заведения
и духовное просвещение в России

Хондзинский П., свящ., Сухова Н.Ю.

**ПАСТЫРСКОЕ БОГОСЛОВИЕ
В СИСТЕМЕ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО
ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Богословские труды. Юбилейный сборник,
посвященный 325-летию Московской
Духовной Академии (1685-2010).
Сергиев Посад, 2010, №11-12. С. 291-341

© Сканирование и создание электронного варианта:

Учебный комитет РПЦ
www.uchkom.info

Московская православная духовная академия
www.mpda.ru

Москва, 2014

СВЯЩ. ПАВЕЛ ХОДЗИНСКИЙ, Н. Ю. СУХОВА

ПАСТЫРСКОЕ БОГОСЛОВИЕ В СИСТЕМЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

Подготовка пастырей во все времена была одной из важнейших задач, стоявших перед Церковью. Необходимость постоянного решения именно этой задачи была одним из главных, если не самым главным стимулом развития духовного образования. Даже в наиболее тяжелые времена церковной истории не прекращалась подготовка священнослужителей. В годы гонений, разделений или межконфессиональных неурядиц, даже в скитаниях, вне своей канонической территории, Церковь всегда старалась наладить эту подготовку, устроить духовные школы. Разумеется, в подобных достаточно стесненных условиях пастырская подготовка была сопряжена со множеством серьезных проблем. Однако и в периоды относительной стабильности церковной жизни правильная организация подготовки духовенства ставила немало острых вопросов, вызывавших дискуссии и зачастую не получавших однозначного и успешного решения. Так, трудно было определить состав дисциплин, необходимых для будущего священника, — общеобразовательных, богословских и специально-пастырских, — постановку и метод преподавания, сочетание образования и пастырского воспитания, теоретической и практической подготовки. Еще большие проблемы возникали в связи с пастырской подготовкой в высшей духовной школе, имевшей серьезные научные задачи, готовившей исследователей и преподавателей. Российская духовная школа никак не была исключением — более того, в ее истории все указанные проблемы проявлялись ярко и значимо, приобретая нередко специфические формы и акценты, обусловленные особенностями развития отечественного

богословия. Данная статья посвящена истории пастырской подготовки в Московской духовной академии — одной из старейших духовных школ в России, неразрывно связанной с Троице-Сергиевой Лаврой, имеющей славные традиции, давшей Русской Православной Церкви сонм архипастырей и пастырей.

Исторический опыт успехов и ошибок пастырской подготовки в духовных школах Русской Православной Церкви требует основательного изучения и осмысления, а изучен он пока недостаточно. К специальным исследованиям по этому вопросу следовало бы отнести магистерскую диссертацию выпускника Киевской духовной академии архимандрита Иннокентия (Пустынского)¹ и несколько статей, посвященных проблемам пастырского богословия как науки и предмета преподавания². Конечно, определенный историографический вклад вносят небольшие по объему экскурсы в общих работах по истории русского богословия, истории отдельных духовных школ и персоналий, но тема явно требует к себе повышенного внимания современных исследователей.

1. ПАСТЫРСКАЯ ПОДГОТОВКА В ДУХОВНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ В XVIII В.

Само понятие «духовная школа» с ее основным предназначением — подготовкой кадров для священного служения — определилось в Рос-

¹ См.: *Иннокентий (Пустынский)*, архим. Пастырское богословие в России за XIX в. (Магистерская диссертация). СПб, 1899. Ср. отзыв на эту работу профессора КДА Н. К. Маккавейского, опубликованный в: ТЖДА. 1899. № 12. С. 600–624, и ответ самого автора: *Иннокентий (Пустынский)*, архим. Пастырское богословие (мысли по поводу изданной книги «Пастырское богословие в России») // ПС. 1900. № 2. С. 208.

² См.: *Соколов Л. А.* Аскетический принцип в пастырском богословии. [Рец. на:] Тихон (Цыпляковский), игум. Святое высокое служение иерея Божия — добровольное мученичество. Тамбов, 1894 // БВ. 1895. Т. 2. № 6. С. 450–458; *Маккавейский Н. К.* Пастырское богословие и педагогика в курсе наук духовных академий // ТЖДА. 1898. № 2. С. 204–224; *Коновалов Н. А.* Пастырское богословие и «пастырская аскетика»: к вопросу о научном построении системы православного Пастырского богословия // ХЧ. 1913. № 6. С. 787–812, и др.

сии только в XVIII в. Пастырские школы в той или иной форме существовали с момента принятия Русью христианства, однако говорить о какой-то специальной подобного рода программе достаточно сложно. Первоначально изучение такой программы было всего лишь одной из задач общеобразовательных учебных заведений, которые, впрочем, чаще всего предназначались для подготовки образованного духовенства. Поэтому пастырское образование состояло преимущественно из общего образования, необходимого для священника, и практической подготовки к пастырскому служению. Впрочем, ставилась такая задача и перед школами более серьезного уровня, в частности, перед Московской Славяно-греко-латинской академией, возникшей в 1685 г.

В начале XVIII в. в России стали одна за другой появляться школы, непосредственной задачей которых являлась подготовка духовенства. С одной стороны, это явление было следствием общегосударственной инициативы по развитию профессионального образования³. Неоднократные указы Петра I, призывающие архиереев учреждать в своих епархиях школы для подготовки ставленников, были закреплены в 1721 г. Духовным регламентом⁴. С другой стороны, строгое распределение народа Российской империи по сословиям, согласно замыслу Петра I, постепенно воссоединило понятия «духовной службы» и «духовного сословия» и поставило Церковь и государство перед необходимостью давать образование детям священно- и церковнослужителей⁵.

Казалось бы, подготовка учащихся к священническому служению безусловно подразумевала приспособление учебного курса школы к нуждам церковной жизни. Но введение в образовательную систему принципов, выработанных Киево-Могилянской коллегией на основе западной школьной традиции и перенесенных в начале XVIII в. в Мо-

³ См., напр.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Государство и народное образование в XVIII в. Ярославль, 1874. С. 148, 202.

⁴ См.: Регламент, или Устав, Духовной коллегии (с манифестом об учреждении Духовной коллегии от 25 января 1721 г.) // ПСЗРИ. 1-е собрание. Т. 6. СПб., 1830. № 3718. С. 314–346. Ч. 2. § 8, 9, 11.

⁵ См.: Указы Петра I 1708–1718 гг. о необходимости детям священно- и церковнослужителей учиться для занятия мест при церквях, об образовании ставленников (см.: ПСЗРИ. 1-е собрание. Т. 4. № 2186, 2308, 2352; Т. 5. № 3171, 3175, 3182).

сковскую академию и в другие великорусские школы, ориентация на западные пособия, далекие от реальности российской церковной жизни, а также латинский язык надолго затормозили этот процесс. Хотя в латинских курсах, несомненно, присутствовала пастырская составляющая⁶, она сложнее всего воспринималась русской школой, ибо приходское служение и решение актуальных проблем русской церковной жизни весьма трудно было гармонично совместить с тогдашним латинизированным учебным богословием.

Усиление интереса к пастырскому богословию в России стало достаточно заметно ко второй половине XVIII в. С одной стороны, епархиальные архиереи старались решить проблему подготовки духовенства. С другой стороны, сами школы, независимо от структуры учебного курса и используемых учебных пособий, пытались осознать свою предназначенность прежде всего как пастырских школ. Однако прямая ориентация на приходское служение сводила пастырское богословие к практической составляющей, а потому закрывала перспективы его научного развития и ставила под угрозу богословскую ученость духовной школы, в целом реализуемую с таким трудом⁷.

⁶ «Пастырское богословие» как наука и предмет преподавания получил конкретную постановку в западных школах в XVI в. вследствие решений Тридентского (Трентского) собора (1545–1563). В течение следующих столетий было написано несколько специальных трактатов о пастырских обязанностях, внесших вклад в развитие пастырского богословия как науки. Эти трактаты и учебные курсы базировались на триаде, предложенной еще святым папой Григорием Великим (Двоесловом) в «*Liber regulae pastoralis*» (или «*Regula pastoralis*») (590–591): учительство, служение Таинствам, руководство общиной.

⁷ Следует отметить, что в это же время в католическом богословии также встала проблема сочетания практической подготовки к пастырскому служению и научного развития пастырского богословия как области научного богословия. Наиболее ярко эта проблема проявилась в Австрии, когда в процессе реформы высшей школы при императрице Марии Терезии и ее сыне императоре Иосифе в 1777 г. в Венском университете была введена дисциплина с названием «Пастырское богословие». В результате адаптации этой дисциплины сохранились традиционные составляющие пастырской подготовки (священнослужителя как учителя, совершителя Таинств и руководителя приходской общины), была предпринята и попытка осмысления пастырского богословия как самостоятельной науки и университетской дисциплины. (См., напр.: *Lechner M. Pastoraltheologie als Wissenschaft // Kirchesein in der Welt von heute. Pastoraltheologisches Lehrbuch. München, 2004. Teil 10*).

Первая попытка включить пастырское богословие в целостную богословскую систему была предпринята ректором Московской Славяно-греко-латинской академии (1769—1774) архимандритом Феофилактом (Горским), будущим епископом Переяславским и Дмитровским. В лекционном курсе, читаемом им с 1770 по 1774 г. студентам Московской академии⁸, он определял хиротонию как акт, продолжающий акт избрания Спасителем служителей Церкви. В состав этого служения входят: проповедь слова Божия, совершение Таинств и власть ключей, то есть полномочие вязать и решить грехи. Архимандрит Феофилакт указывал важнейшие качества священнослужителя (чистая совесть, понятие о Божественных вещах, искусство слова и неповрежденные члены тела) и свойства, жизненно необходимые пастырю (талантливый ум, добродетели, хорошее управление своим домом, скромные телодвижения, осмотрительную речь и опрятность одежды). Носителями священного сана, говорил он, согласно церковным канонам, не могут быть человекоубийцы, блудники, моты, ростовщики, актеры, двоеженцы и лица, запятнанные преступлением. Особое внимание автор обращал на призвание к пастырскому служению, в котором выделял субъективную и объективную стороны. Субъективная сторона состоит в искреннем желании послужить спасению других людей — искание священства недопустимо по целям корыстным и честолюбивым, оно раскрывается в таинственном призвании к пастырству Господом. Объективная сторона призвания к пастырскому служению состоит в видимом избрании ставленника иерархом Церкви с одобрения всего народа. Все приемы и средства пастырского служения определяются словами *пастырское благоразумие*. Сам архимандрит Феофилакт не скрывал, что струк-

⁸ Курс лекций был издан через 10 лет, когда автор был уже епископом Переяславским, в Лейпциге: *Orthodoxae Orientalis Ecclesiae dogmata, seu Doctrina christiana de credendis (pars 1) et de agendis (pars 2), usibus eorum, qui studio theologico sese consecraverunt addixeruntque, adornata accommodataque*. 1-е изд. Lipsiae, 1784 (Догматы Православной Восточной Церкви, или Христианское учение о том, во что должно верить (часть 1) и как должно действовать (часть 2) тем, кто посвятил себя изучению Богословия, со всеми необходимыми для того сведениями). Первая часть — догматическое богословие — была издана раньше, в 1773 г., в России на русском языке: *Догматы христианской православной веры*. М., 1773.

туру своей богословской системы он заимствовал у немецкого протестантского богослова Иоганна Франца Буддеуса⁹.

В это же самое время появился первый специальный учебник по пастырскому богословию — знаменитая «Книга о должностях пресвитеров приходских»¹⁰. Она была составлена двумя видными иерархами XVIII в.: епископом Могилевским, Мстиславским и Оршанским Георгием (Конисским) и епископом Смоленским и Дорогобужским Парфением (Сопковским) — кстати, однокурсниками по Киевской академии (они окончили ее в 1743 г.)¹¹. Это пособие по решению Святейшего Синода в 1776 г. было напечатано в Петербурге и разослано по всем духовным школам и православным храмам России. Авторы, базируясь на своем богословско-преподавательском, личном пастырском и архипастырском опыте, выделяли прежде всего четыре вида пастырского служения: проповедь, учительство примером личной жизни, священнослужение (совершение Таинств) и молитву. Поучения к народу авторы разделяли на вероучительные, полемические, обличительные, нравоучительные и увещательные, в зависимости от нужд паствы. При этом место учительства не ограничивалось церковью, но учительство должно было охватывать собою всякий дом прихожан. Учащий добру сам должен быть добр и жить свято, чтобы своею жизнью не разрушить созданного учительством. Пастырское тайнодействие должно сопровождаться объяснением внутренней силы и важнейшей цели Таинств прихожанам, а также требованием от них знания Символа веры. Каждому пастырю здесь заповедуется читать слово Божие, держать его в сердце с размышлением и молиться Спасителю о наставлении Духом Святым на всякую истину. Молиться пастырь должен везде,

⁹ J.-F. Buddeus (1667–1729). В лекциях архимандрита Феофилакта были использованы: *Institutiones theologiae dogmaticae*. Lpz., 1728; а также: *Institutiones theologiae moralis*. Lpz., 1711; *Historia critica theologiae dogmaticae et moralis*. Frankfurt, 1725.

¹⁰ Книга о должностях пресвитеров приходских, от слова Божия, соборных правил и Учителей церковных сочиненная. СПб., 1776. Переизд.: М.: Издательство Сретенского монастыря, 2004.

¹¹ Преосвященный Георгий до епископского служения был профессором пиитики (1745), философии и богословия, префектом (1747–1752) и ректором (1752–1755) Киевской академии; преосвященный Парфений — профессором богословия (1743), префектом (1750–1756) и ректором (1756–1759) Новгородской семинарии.

как при всех, так и наедине, за всех людей, о всех грехах их — да просят, о добродетелях их — да возрастут.

«Книга о должностях пресвитеров приходских» стала надолго значимым ориентиром для пастырской подготовки в духовных школах. Обязанности, к которым должны быть готовы кандидаты в приходские священники, определили и составляющие основы пастырской подготовки, так или иначе вводимые в учебные курсы духовных школ: гомилетическую, нравоучительную, литургическую. Разумеется, церковная реальность делала необходимым неременное включение еще одной составляющей: понимание канонических основ и церковно-государственных норм построения жизни приходской общины. Беря за основу эту систему, епархиальные архиереи и ректоры духовных школ дополняли ее, исходя из своего личного пастырского опыта и сложившихся на основе его взглядов, теми или иными элементами.

Наиболее показателен для этого периода был духовный опыт митрополита Московского Платона (Левшина)¹². Он также клал в основание пастырской подготовки в своих епархиальных школах — Московской Славяно-греко-латинской академии и Троицкой семинарии — «Книгу о должностях пресвитеров приходских». Однако преподавание по этой книге дополнялось практическими составляющими, непосредственно связанными с предстоящим пастырским служением выпускников: чтением Кормчей с толкованием к практическому применению, пасхалией, основами гомилетики и литургики, толкованием трудных мест Священного Писания с применением их к составлению проповедей. Студенты старшего богословского класса составляли проповеди, произносили их в семинарском или академическом храме и посвящались в стихарь¹³. Со временем митрополит Платон составил дополнение к «Книге о должностях пресвитеров приходских» — «Сокращенный катехизис для священно- и церковнослужителей»¹⁴. Этот труд был, прежде всего, не

¹² Платон (Левшин) († 1812 г.), с 1775 г. архиепископ Московский; с 1787 г. митрополит Московский и Коломенский, с 1811 г. на покое.

¹³ Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. Ф. 312. Д. 461П/175С. Л. 2; Смирнов 1855. С. 294—296, 298; Он же. История Троицкой Лаврской семинарии. М., 1867. С. 241—255.

¹⁴ Сокращенный катехизис для священно- и церковнослужителей (как для всег-

пособием по пастырскому богословию как таковому, а хрестоматией, вобравшей в себя догматические и литургические положения, тематические выборки из Нового Завета, апостольских и соборных правил, соотнесенные со священным и церковным служением, а также формулы присяги рукополагаемых в священные степени. В таком виде была представлена пастырская подготовка в московских духовных школах к концу XVIII в.¹⁵

2. ПАСТЫРСКАЯ ПОДГОТОВКА В МДА В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ УСТАВА 1814 Г.

В начале XIX в. было решено привести в единую систему разнообразие епархиального духовно-учебного опыта. Реформа духовного образования, произведенная в 1808–1814 гг., прежде всего разделила духовную школу на четыре соподчиненные ступени. Каждая из ступеней, кроме своего участия в общем процессе духовного образования, имела и свою непосредственную задачу. Перед двумя первыми ступенями нижней школы — приходскими и уездными духовными училищами — была поставлена задача подготовки церковнослужителей, псаломщиков и дьячков. Средняя школа, то есть духовные семинарии, готовила священнослужительские кадры. Высшая школа — четыре Духовные академии — готовили прежде всего кадры для высших духовных должностей и особых церковных служений, требующих углубленных богословских знаний, а также преподавательские кадры для средней духовной школы и для себя самих. Эта церковно-практическая ориентация разных уровней преобразованной духовной школы должна была определять состав дисциплин каждой ступени и постановку добавляемого преподавания. Пастырской школой в прямом смысле сло-

давшего их знания, так особенно для изучения, при вступлении их в церковные должности с прибавлением мест из слова Божия, правил святых Апостол и святых Отец и из Духовного регламента, особливо до священства принадлежащих. М., 1807.

¹⁵ См.: *Сухова Н. Ю.* Пастырское богословие в российской духовной школе (XVIII — начало XX в.) // Вестник ПСТГУ. 1: Богословие. Философия. 1 (25). 2009. С. 27–30.

ва стали прежде всего епархиальные семинарии — в них надлежало создать полноценную систему пастырской подготовки, стержнем которой должно было стать пастырское богословие. Перед академиями же стояли существенно более сложные задачи: подготовка преподавателей и воспитателей будущих пастырей, а также лиц, обладающих богословскими знаниями на самом современном научном уровне, для специальных церковных служений. На этом уровне пастырское служение должно было осмысляться настолько глубоко, чтобы придать надежное богословское основание и правильное направление пастырской подготовке в средней школе. Кроме того, предельно строгая централизация, заданная реформой 1808—1814 гг., подразумевала построение стабильной системы, обеспечивающей подготовку священства.

Святитель Филарет (Дроздов) явился одной из ключевых фигур на последнем этапе разработки и проведения этой реформы (1808—1814 гг.). В 1814 г. в своем известном «Обзрении богословских наук...» в качестве одной из главных составляющих структуры духовно-учебного богословского курса (*Architectonica Theologica*) святитель указывал *деятельное богословие* (*Practica*), понимая под ним практическое применение христианских догматов в жизни человека, то есть нравственное богословие¹⁶. Что же касается богословия *пастырского* (*Theologia Pastoralis*), то святитель Филарет обращал на него особое внимание, учитывая прежде всего главное предназначение *духовной* школы, но считал его неразрывно связанным с богословием *деятельным* (практическим, нравственным). При этом в *деятельном* богословии святитель выделял *христианское благоразумие*, или *деятельное знание*, — «избирать и употреблять наилучшие средства для достижения спасительных целей». Это *благоразумие*, или *знание*, имело у него как всеобщее значение, так и особое, *пастырское*. Именно этим *благоразумием* следует руководствоваться в «восприятии сего звания» и в его реализации учением, личным примером, совершением

¹⁶ Деятельное Богословие (*Practica*), являясь одной из частей Учительного Богословия, обращается к воле, «дабы повреждение ее исправить» (См.: Филарет (Дроздов), свт. Обзорение богословских наук в отношении преподавания их в высших духовных училищах // Свт. Филарет (Дроздов). Собрание мнений. Т. 1. С. 208).

Таинств и благочестивых обрядов, молитвою. Таким образом, несомненно переключка с курсом архимандрита Феофилакта (Горского) и «Книгой о должностях пресвитеров приходских».

Кроме того, святитель Филарет выделял в качестве особых разделов в общепастырском курсе богословие собеседовательное (Hōmiletica) и правительственное (Jus Canonіcū), имевшие самое непосредственное отношение к пастырскому служению. Architectonica Theologica была основана на существующих богословских системах XVIII в., но в ней были определены и перспективы дальнейшего развития «церковного блока» духовно-учебного образования. Отмеченные в ней две ключевые тенденции пастырского богословия — с одной стороны, связь с общим нравственным богословием, с другой стороны, изложение практических «должностей пресвитеров» — на несколько десятилетий определили дальнейшее развитие этой дисциплины в духовной школе.

В Московской духовной академии, преобразованной по правилам нового Устава в том же 1814 г., пастырское богословие довольно долго существовало в недрах нравственного богословия, но не выделялось особо даже в названии дисциплины. На 1-м курсе преобразованной МДА нравственное (деятельное) богословие читал в 1817–1818 гг. бакалавр Г. А. Левицкий, магистр 1-го курса СПбДА¹⁷. При отчете по ревизии МДА епископом Ревельским Филаретом (Дроздовым) в июне 1818 г. про элементы пастырского богословия просто не упоминалось. Но было засвидетельствовано, что «в некоторых уроках Богословского нравоучения... видно было обилие и порядок в понятиях», а в «некоторых уроках о Божественном праве и христианском благоразумии замечена сухость понятий, не напоенных из источника слова Божия»¹⁸. Однако сам бакалавр Г. А. Левицкий не получил одобрения, ибо «менее оказал успехов по должности, нежели обеща-

¹⁷ Григорий Александрович Левицкий (1785–1830) — магистр 1-го курса СПбДА (1814), бакалавр МДА по герменевтике (1815–1817) и нравственному богословию (1817–1818). Был членом Цензурного комитета при МДА. Оставив Академию, служил священником церкви Покрова в Левшине. В 1819–1824 гг. был профессором богословия в Московском университете.

¹⁸ См.: *Филарет (Дроздов), свт. Собрание мнений*. Т. 1. С. 401.

ли отличные его способности»¹⁹. Поэтому следующему курсу Академии нравственное (деятельное) богословие с элементами пастырского читал в 1819–1820 г. магистр 1-го курса МДА иеромонах Моисей (Сахаров)²⁰. При ревизии МДА в июле 1820 г. архиепископ Тверской Филарет (Дроздов) объявил иеромонаху Моисею одобрение «за прилежание к должности и преуспеяние в познаниях»²¹. Однако в том же 1820 г. иеромонах Моисей назначен был ректором и профессором богословия Тульской ДС, поэтому Академии вновь пришлось менять преподавателя нравственного богословия. Им стал 1-й магистр 2-го курса МДА иеромонах Серафим (Азбукин), сочетавший в 1820–1822 гг. преподавание нравственного (и пастырского) богословия с герменевтикой²². Иеромонаха Серафима, переведенного затем в СПбДА, сменил его однокурсник иеромонах Евлампий (Пятницкий)²³. Он преподавал нравственное богословие семь лет (1824–1831), совмещая его не только с герменевтикой и чтением Священного Писания, как его предшественник, но и с обличительным богословием (с 1826 г.). В 1831 г. иеромонаха Евлампия назначили ректором Вифанской ДС,

¹⁹ См.: Там же. С. 443.

²⁰ Моисей (Сахаров) (1790–1830), архимандрит. Обучался в Коломенской (1797–1800) и Тульской (1800–1811) ДС, затем преподавал в Тульской ДС. Магистр 1-го курса МДА (1818), принял монашеский постриг сразу по окончании Академии (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. 1818 г. Д. 45). Бакалавр и библиотекарь МДА (1819–1820). С 1820 г. Ректор и профессор богословия в Тульской ДС и архимандрит Белевского Спасо-Преображенского монастыря; с 1826 г. преподаватель Вифанской ДС. В 1830 г. переведен в Угрешский монастырь, где и скончался.

²¹ См.: *Филарет (Дроздов), свт.* Собрание мнений. Т. 2. С. 56.

²² Серафим (Азбукин) (1791?–1824), архимандрит (с 1823 г.). Выпускник Тульской ДС (1814), где преподавал (1814–1816). Магистр 2-го курса МДА (1820), принял монашеский постриг сразу по окончании Академии. Бакалавр и библиотекарь МДА (1820–1822).

²³ Евлампий (Пятницкий) (1794–1862), архиепископ. Выпускник Ярославской ДС (1816). Магистр 2-го курса МДА (1820), принял монашеский постриг сразу по окончании Академии. Бакалавр (1820–1826), библиотекарь (1824–1827), э.-орд. профессор (1826–1831) МДА. Член Правления (1823–1828) и Инспектор (1826–1831) Академии. С 1831 г. Ректор и профессор богословия Вифанской ДС; с 1834 г. епископ Екатеринбургский, викарий Пермской епархии; с 1840 г. епископ Орловский и Севский; с 1844 г. Вологодский; с 1852 г. архиепископ Тобольский и Сибирский. С 1856 г. на покое.

а нравственное богословие поручили преподавать иеромонаху Платону (Казанскому)²⁴. Однако иеромонаху Платону было суждено преподавать всего два года, ибо, заподозренный в сношениях с сектантами, он был удален из Академии²⁵.

С середины 1830-х гг. пастырское богословие постепенно стало приобретать самостоятельное название в документах Академии, но в преподавании оно по-прежнему соединялось с нравственным богословием. Этот вариант соединения, предложенный еще святителем Филаретом в богословской системе 1814 г., неоднократно обосновывался: во-первых, нравственное богословие, как практическая реализация христианского вероучения, в личном и общественном отношениях возглавляется и корректируется пастырями; во-вторых, пастырское служение должно опираться на глубокое понимание задач, принципов и проблем этой практической реализации. В МДА пастырское богословие впервые было зафиксировано в качестве особой составляющей дисциплины в 1833 г.: иеромонах Филарет (Гумилевский) именовался бакалавром «пастырского и нравственного богословия» (1833–1836)²⁶. Так дисциплина называлась и в дальнейшем, хотя составляющие (пастырская

²⁴ Платон (Казанский) (1793 (1790)–1865), архимандрит. Выпускник Ярославской ДС (1816). Магистр 2-го курса МДА (1820), преподаватель Ярославской ДС (1820–1823), священник кафедрального собора, ректор Ярославских ДУ (1823–1829). В 1829 г., овдовев, принял монашеский постриг. Бакалавр (1829–1832), инспектор (1831–1833), э.-орд. профессор (1832–1833) МДА. Член московского Цензурного комитета и настоятель московского Знаменского монастыря. В 1833 г. был переведен в Нижегородскую ДС, но после дознания отправлен в Валаамский монастырь на исправление. Впоследствии был переведен в Сергиеву пустынь под Петербургом, был председателем Комитета по переводу «Апостольских правил» при СПбДА. С 1837 г. настоятель Торжковского Борисоглебского монастыря, с 1840 г. — тверского Отроча монастыря, с 1848 г. — тверского Успенского Жолтикова монастыря.

²⁵ Архимандрит Платон был заподозрен в связи с сектой хлыстов (скопцов), ибо отдал своих детей на воспитание полковнику А. Дубовицкому, принадлежавшему к этой секте (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. Д. 377).

²⁶ Филарет (Гумилевский) (1805–1866), свт. Выпускник Тамбовской ДС (1826), магистр МДА (1830), в 1829 г. принял монашеский постриг. Бакалавр (1830–1835), библиотекарь (1831–1833), инспектор (1833–1835) и ректор (1835–1841) Академии. С 1841 г. епископ Рижский, викарий Псковской епархии; с 1848 г. епископ Харьковской и Ахтырский, с 1857 г. архиепископ; с 1859 г. архиепископ Черниговский и Нежинский. Доктор богословия (1860).

и нравственная) менялись местами. После иеромонаха Филарета нравственное и пастырское богословие преподавали иеромонахи Платон (Фивейский) (1836–1842)²⁷, Агафангел (Соловьев) (1842)²⁸, Иоанн (Соколов) (1842–1844)²⁹. Иеромонах Платон одновременно с нравственным и пастырским богословием преподавал церковную словесность, а иеромонах Агафангел (Соловьев) — церковное законоведение. Довольно быстрая смена преподавателей и насыщенное сочетание разных областей богословия у каждого из них существенно осложняли формирование целостного курса нравственного богословия и, тем более, оформление пастырского богословия в его недрах. Но на преподавание этой дисциплины по понятным причинам старались подобрать выпускников Академии, принявших монашество и священный сан, а ученое монашество недолго оставляли на одном месте, поскольку это были кандидаты на ректорство в духовных семинариях. Кроме того, с середины 1820-х гг. преподавание нравственного и пастырского богословия чаще всего соединялось и в самой Академии с начальственной должностью инспектора³⁰. Сочетание было по-своему вполне логичным, однако тру-

²⁷ Платон (Фивейский) (1809–1877), архиепископ. Выпускник Вифанской ДС (1830), магистр 9-го курса МДА (1834), принял монашеский постриг вскоре после окончания Академии. Бакалавр (1834–1840), библиотекарь (1838–1841), инспектор (1841–1842) МДА, с 1841 г. архимандрит. С 1842 г. ректор Казанской ДС, с 1843 г. — Орловской, с 1847 г. — Тамбовской, с 1852 г. — Владимирской. С 1856 г. епископ Старорусский, викарий Новгородской епархии; епископ Ревельский, викарий Петербургской епархии; с 1857 г. епископ Костромской и Галичский, с 1868 г. архиепископ.

²⁸ Агафангел (Соловьев) (1812–1876), архиепископ. Выпускник Владимирской ДС (1832), магистр МДА (1836), в 1835 г. принял монашеский постриг. Бакалавр (1836–1842), библиотекарь (1838–1842), инспектор (1842) Академии. С 1842 г. ректор Харьковской ДС в сане архимандрита, с 1845 г. ректор Костромской ДС, с 1854 г. ректор КазДА. С 1857 г. епископ Ревельский, викарий Петербургской епархии; с 1860 г. епископ Вятский; с 1866 г. — Вольнский, с 1868 г. архиепископ.

²⁹ Иоанн (Соколов) (1818–1869), епископ. Выпускник МДС (1838), магистр МДА (1842), при окончании Академии принял монашеский постриг. Бакалавр МДА (1842–1844), СПбДА (1844–1854), с 1848 г. архимандрит, с 1849 года член духовного Цензурного комитета, с 1851 г. инспектор СПбДА, с 1852 г. ординарный профессор. С 1855 г. ректор СПбДС, с 1857 г. ректор КазДА, с 1864 г. ректор СПбДА, с 1865 г. в сане епископа Выборгского. С 1866 г. епископ Смоленский. Доктор богословия (1853).

³⁰ Если три первых бакалавра, преподававшие нравственное и пастырское богословие — Г. А. Левицкий, иеромонах Моисей (Сахаров) и иеромонах Серафим (Азбу-

доемкая инспекторская деятельность еще более осложняла разработку новых учебных курсов и, тем более, их научное развитие. Каждый из упомянутых бакалавров составлял записки для курса нравственного и пастырского богословия, было определенное преемство, и потому начал формироваться единый подход. Так, проведя в июле 1838 г. очередную ревизию МДА, святитель Филарет (Дроздов) отметил: «Учение о пастыре Церкви преподано по урокам, частью прежде составленным, частью продолженным трудом нынешнего преподавателя»³¹. Но, тем не менее, никто из преподавателей не смог доработать эти записки для публикации. Единственным исключением можно считать иеромонаха Платона (Фивейского), которому через несколько лет после оставления Академии, в 1850–1860-х гг., удалось издать несколько пособий по нравственному и пастырскому богословию, используя свой преподавательский опыт и опираясь на старые записки³².

Таким образом, к середине 1840-х гг. пастырское богословие еще не приобрело в МДА самостоятельной основы, не были выработаны принципы и методы преподавания, соотнесение в этом курсе теоретической и практической составляющих. Обращение к общецерковному

кин), — инспекторами не были (в 1814–1816 гг. инспектором МДА был архимандрит Филарет (Амфитеатров), в 1816–1818 гг. — архимандрит Гермоген (Сперанский), в 1818–1826 гг. — архимандрит Платон (Березин)), то иеромонах Евлампий (Пяницкий) с 1826 г. и вплоть до 1831 г. совмещал преподавание нравственного и пастырского богословия с должностью инспектора. Эта традиция закрепилась: иеромонахи Платон (Казанский) и Филарет (Гумилевский) были одновременно преподавателями нравственного и пастырского богословия и инспекторами Академии. Затем — до архимандрита Сергия (Ляпидевского) — было два перерыва в этом сочетании: в 1836–1841 и 1842–1848 гг. (инспекторами, не преподававшими нравственного богословия, были архимандриты Гедеон (Виноградов) (1836–1838), Филофей (Успенский) (1838), Евсевий (Орлинский) (1838–1841), Евгений (Сахаров-Платонов) (1842–1847), Иларион (Боголюбов) (1847–1848)). Затем на десятилетие преподавание нравственного и пастырского богословия и инспекторство вновь сочетаются в лице архимандрита Сергия (Ляпидевского) (см.: *Смирнов 1879. С. 23–26, 381–384, 384–389*).

³¹ Филарет (Дроздов), свт. Собрание мнений. Т. 2. С. 413.

³² См.: Платон (Фивейский), архим. Православное нравственное богословие. М., 1854; переизд.: СПб., 1867; Платон (Фивейский), еп. Напоминание священнику об обязанностях его при совершении Таинства Покаяния: В 2 ч. Кострома, 1859; переизд.: М., 1861; Он же. Памятная книжка для священника, или Размышление о священнических обязанностях. М., 1860.

контексту показывает нам, что эта ситуация была характерна и для духовной школы в целом. Так, в 1845 г. особый комитет, учрежденный при СПбДА для составления конспектов по богословским наукам, представил проект конспекта по пастырскому богословию. В этом проекте была предпринята попытка придать пастырскому богословию более теоретический (научный) характер, с учетом важнейших достижений западного богословия. Однако эта попытка вызвала острую критику святителя Филарета (Дроздова), которому конспект был прислан на отзыв. Авторы брали за основу курс пастырского богословия, читаемый в 1780-х гг. в Венском университете профессором Ф. Гифтшицем³³. Святитель Филарет указывал, что пастырское богословие как дисциплина церковная должно быть основательно приспособлено к жизни Православной Церкви, «проникнуто духом слова Божия и святых отец» и образовывать будущего приходского пастыря «не только правилами благоразумия и благочиния, но истинно духовными и душевспасительными наставлениями». Поэтому полезнее было бы оставить пока в качестве основного пособия проверенное опытом сочинение «О должностях пресвитеров приходских», а для будущего составить новый конспект, избавленный от влияния неправославия³⁴. При этом святитель Филарет настаивал, несмотря на учреждение особого курса церковного законоведения, на сохранении в курсе пастырского богословия раздела об управлении приходом, изложенного применительно к опыту русской церковной жизни³⁵.

Новые курсы пастырского богословия появились лишь к началу 1850-х гг. В 1851 г. была издана система Пастырского богословия ректора КДА архимандрита Антония (Амфитеатрова)³⁶. Двумя го-

³³ Франц Гифтшюц (Giftschütz), профессор пастырского богословия в Венском университете († 1788).

³⁴ См.: Письмо святителя Филарета обер-прокурору гр. Н. А. Протасову от 9 мая 1845 г. // *Филарет (Дроздов), свт.* Собрание мнений. Т. 3. С. 149–150.

³⁵ См.: Там же. С. 151–152.

³⁶ *Антоний (Амфитеатров), архим.* Пастырское богословие. Киев, 1851. См. также: *Он же.* Беседа сельского священника с прихожанами. Киев, 1854; *Он же.* О должностях приходских священников // Смоленские епархиальные ведомости. 1866. № 3; *Он же.* Пастырское послание // ХЧ. 1874. № 9.

дами позднее был издан одноименный курс инспектора и преподавателя нравственного и пастырского богословия СПбДА архимандрита Кирилла (Наумова), за который автор был удостоен степени доктора богословия³⁷.

В МДА с 1844 г. пастырское богословие получило некоторую стабильность в лице иеромонаха (с 1850 г. архимандрита) Сергия (Ляпидевского), преподававшего этот предмет вкупе с нравственным богословием на протяжении 13 лет (1844–1857)³⁸. За годы преподавания архимандрит Сергей составил подробный конспект своего курса, впоследствии — после кончины автора в сане митрополита Московского — опубликованный Академией³⁹. Сохраняя в целом традицию пастырского богословия, доставшуюся ему в наследство от своих предшественников, архимандрит Сергей составил свой курс из пяти разделов: происхождение пастырского служения и его необходимость; достоинство священника; трудности пастырского служения; призвание к пастырскому служению; приготовление к пастырскому служению. Автор сохранял в своем курсе выделение трех важнейших традиционных направлений пастырского служения, или главных обязанностей пастыря: учитель-

³⁷ Кирилл (Наумов), архим. Пастырское богословие. СПб., 1853.

³⁸ Сергей (Ляпидевский) (1820–1898), митрополит. Выпускник Тульской ДС (1840), магистр 12-го курса МДА (1820), принял монашеский постриг перед окончанием Академии. Бакалавр (1844–1851), инспектор (1848–1857), профессор (1851–1861), ректор (1857–1861) МДА. С 1861 г. епископ Курский и Белгородский; с 1880 г. архиепископ Казанский и Свияжский; с 1882 г. — Кишиневский; с 1891 г. — Херсонский и Одесский; с 1893 г. митрополит Московский и Коломенский.

Заметим, что даже в конце 1840–1850-х гг. название дисциплины в МДА не установилось окончательно. В документах Академии упоминается то «класс деятельного богословия» (определение Синода от 23–25 апреля 1848 г. о назначении иеромонаха Сергия (Ляпидевского) на должность инспектора МДА (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5189. Личное дело преподавателя иеромонаха Сергия (Ляпидевского). Л. 17)), то «класс нравственного и пастырского богословия» (формулярный список иеромонаха Сергия за 1849 г. (Там же. Л. 9–11); представление Правления МДА митрополиту Филарету от 18 октября 1857 г. с мнением о перемещении на этот класс священника Филарета Сергиевского (Там же. Л. 36)).

³⁹ Сергей (Ляпидевский), митр. Из лекций по Пастырскому богословию // БВ. 1900. Т. 2. № 8. С. 507–549; Т. 3. № 9. С. 45–58; № 10. С. 221–243; 1901. Т. 2. № 7/8. С. 518–541; 1902. Т. 3. № 9. С. 1–22.

ство вере, совершение священнодействий, церковное правительство⁴⁰. Подробно излагая, почему эти задачи встают в жизни Церкви, какими способами пастыри решают эти задачи, архимандрит Сергей старался доказать саму «необходимость служения пастырского», невозможность решать все эти задачи другими членами Церкви⁴¹. Особо следует отметить последнюю часть курса, в которой автор, говоря о приготовлении к пастырскому служению, старался убедить своих слушателей в необходимости для священника основательного богословского образования⁴². Примеры простых и неученых замечательных пастырей не являются свидетельством неважности хорошего образования — это исключения, подтверждающие правило, ориентироваться на них — это дерзость. Аргументами от Писания, Предания, исторического опыта Церкви и состояния современного общества архимандрит Сергей не только пытался пробудить ревность будущих пастырей к учению, но и стремился выстроить ценностную иерархию пастырской «учености». Так, несомненное первенство в этой иерархии по его суждению принадлежит богословскому образованию, основанному на тщательном изучении Священного Писания. Однако архимандрит Сергей настаивал, приводя святоотеческие примеры, на необходимости для пастыря светских наук, прежде всего словесности. Их изучение не самоцельно для пастыря, а должно определяться степенью полезности той или иной науки для богословия и пастырского служения⁴³. В целом же это — изложение концепции высшего духовного образования, легшей в основу реформы 1808—1814 гг., неоднократно подтверждаемой в дальнейшем святителем Филаретом (Дроздовым) и другими деятелями духовной школы. Однако обращает на себя внимание та настойчивость, с которой автор отстаивает широту пастырского образования. Объяснение можно най-

⁴⁰ См.: Сергей (Ляпидевский), митр. Происхождение пастырского служения и его необходимость: (Из лекций по пастырскому богословию) // БВ. 1901. Т. 2. № 7/8. С. 531—549.

⁴¹ Там же. С. 531.

⁴² См.: Сергей (Ляпидевский), митр. О приготовлении к пастырскому служению: (Из лекций по пастырскому богословию Сергея, митрополита Московского): [Об умственном приготовлении] // БВ. 1902. Т. 3. № 9. С. 1—22.

⁴³ См.: Там же. С. 7—15.

ти, прежде всего обратив внимание на исторический контекст: вторая половина 1840-х и первая половина 1850-х гг. — эпоха активного расширения учебных планов духовных школ, введение новых — богословских и светских — дисциплин. Многопредметность, потеря четкости в образовательной траектории вызывали, в целом, немало недовольств и споров, и архимандрит Сергий, видимо, пытался умело выстроить апологию всех этих нововведений.

Начиная с 1857 г. и вплоть до преобразования Академии в 1870 г. и даже 4 года спустя пастырское богословие преподавал в ней протоиерей Филарет Сергиевский⁴⁴. Несмотря на долгое преподавание, протоиерей Филарет не подготовил своих лекций к печати.

Между тем, развитие богословия в академиях требовало все более четкого и основательного определения самостоятельной области пастырского богословия, круга источников, методологии, научных задач, перспектив развития. Параллельно формированию курса нравственного и пастырского богословия оформлялись и другие дисциплины, так или иначе связанные с пастырским служением. Их развитие, как уже было указано выше, весьма обостряло вопрос о самостоятельном статусе пастырского богословия как науки и учебной дисциплины. Иногда казалось, что оно «разложимо» на нравственное богословие, гомилетику, православное богослужение (литургику), церковное право и должно дополняться одной лишь церковной практикой. Поэтому при анализе пастырской подготовки в МДА тех лет следует обратить внимание на весь «пастырский» комплекс духовно-академических дисциплин.

Гомилетику, или церковное красноречие, святитель Филарет выделил еще в системе, предложенной в 1814 г. С момента открытия МДА в 1814 г. эта дисциплина преподавалась, именуясь «церковной словесностью» или «церковным красноречием»⁴⁵. Церковная словесность по

⁴⁴ Филарет Александрович Сергиевский (1831–1884), протоиерей. Выпускник МДС (1850), магистр 19-го курса МДА (1854). Бакалавр (1854–1860), э.-орд. (1860–1865), ординарный (1865–1874) профессор МДА. С 1874 г. ректор Вифанской ДС, хотя еще год преподавал в МДА. С 1879 г. настоятель московского Архангельского собора.

⁴⁵ Лекции по церковной словесности (красноречию) на протяжении 1814–1870 гг. читались последовательно 11 бакалаврами.

традиции, шедшей с XVIII в., считалась наукой прикладной, наставляющей пастыря на его поприще церковного проповедничества. Однако высшее образование требовало не только освоения практических приемов, но и ясного понятия о том, какова задача проповеди в жизни Церкви и какое место проповедь занимает в деятельности будущего пастыря. Такие курсы вырабатывались далеко не сразу. При ревизии МДА в июле 1820 г. архиепископ Тверской Филарет (Дроздов) заметил в своем отчете, что нередко «в уроках церковного красноречия понятие о церковном ораторе представлялось в виде слишком напряженном и не довольно систематическом»⁴⁶. В 1830–1840-е гг. появились отдельные попытки читать курс церковного красноречия в историческом аспекте, рассматривая последовательно проповедь в Библии, у великих учителей Церкви, в непрестанном учительстве Церкви, в ее богослужбной жизни. Понимание генезиса церковной проповеди, несомненно, было полезно будущим проповедникам, хотя исторический аспект не должен был при этом увести студентов от практического владения навыками, необходимыми будущему пастырю. Поэтому составление и произнесение проповедей занимало, как и в дореформенных духовных школах, важное место в жизни Академии: проповеди регулярно составляли и произносили преподаватели⁴⁷, но это было также неизменным заданием студентов всех курсов (обычно произносивших по три проповеди в год). Лучшие проповеди печатались, и на них учились.

Церковное законоведение, или каноническое право, несмотря на особое указание святителя Филарета в записке 1814 г., что «сия кафедра должна быть создана вновь»⁴⁸, тем не менее выделилось из общего курса богословия лишь в 1840 г. Эта дисциплина в МДА имела достаточно счастливую судьбу: после недолгого преподавания иеромонахами Евсевием (Орлинским) (1840–1841) и Агафангелом (Соловьевым) (1842) ее положение стабилизировалось. На протяжении 12 лет цер-

⁴⁶ См.: *Филарет (Дроздов), свт.* Собрание мнений. Т. 2. С. 50. Церковное красноречие в это время преподавал бакалавр Н. И. Потапов.

⁴⁷ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. Д. 177, 336, 396, 418, 444, 473 и далее.

⁴⁸ См.: *Филарет (Дроздов), свт.* Обзорение богословских наук в отношении преподавания их в высших духовных училищах // *Свт. Филарет.* Собрание мнений. Т. 1. С. 147.

ковное законоведение в МДА преподавал И. Н. Аничков-Платонов (1842—1854), а затем его сменил А. Ф. Лавров-Платонов, преподававший церковное право еще 8 лет после преобразования Академии в 1870 г. (1854—1878). Уже в первые годы самостоятельного существования церковное законоведение далеко вышло за границы простого толкования Кормчей. Открывавшиеся перспективы научного развития неизбежно ставили вопрос: должен ли учебный курс церковного законоведения (права) сохранить практические элементы и внести свой вклад в подготовку к пастырскому служению?

Литургика на протяжении 1814—1870 гг. так и не оформилась в самостоятельную дисциплину, она существовала в недрах церковной археологии, которая получила самостоятельное именование в МДА в 1844 г.⁴⁹ Но и эта дисциплина ставила перед собой задачу изучения чинопоследований церковных Таинств, что «отнимало» этот раздел у пастырского богословия.

В 1865 г. в курсы духовных академий была введена педагогика. Ее особая постановка в духовных школах подразумевала наличие особого раздела — «пастырской педагогики». Вопрос о том, как этот раздел будет сочетаться с пастырским богословием, так и не был решен вплоть до введения нового Устава духовных академий 1869 г. В МДА преподавание педагогики началось лишь в 1867 г. и было поручено П. И. Казанскому, которого специально для этого пригласили из Вифанской ДС⁵⁰. При этом было принято решение соединить педагогику с нравственным богословием, при этом разделив последнее с пастырским богословием. Новизна педагогики в высшей духовной школе, слабая разработанность науки как таковой и недостаточная готовность са-

⁴⁹ В течение 1844—1870 гг. церковную археологию в МДА преподавали 7 бакалавров, никто из них не оставил опубликованного курса, хотя они и составляли записки для преподавания. Но нечеткость, связанная с этой дисциплиной, наследство «церковных древностей» долго не позволяло найти надежную основу для научного развития и соотнести научные исследования с богослужебной практикой церковной жизни.

⁵⁰ Петр Иванович Казанский (1838—1913). Выпускник Владимирской ДС (1860), магистр 24-го курса МДА (1864). С 1864 г. преподаватель Ярославской ДС, с 1867 г. — Вифанской ДС. С того же года — бакалавр МДА, с 1873 г. — э.-орд. профессор. С 1897 г. в отставке.

мого П. И. Казанского к ее преподаванию⁵¹ привели к долгому периоду накопления сил без реального выхода в виде каких-либо конкретных программ, лекционных курсов и идей относительно соотношения с другими составляющими церковно-практического комплекса.

Таким образом, к середине 1860-х гг. в МДА сформировался блок предметов, так или иначе связанных с пастырско-приходской деятельностью. Внутреннее содержание этих наук не было, впрочем, достаточно определенным. Все они имели несомненное церковно-практическое значение и вводились чаще всего для подготовки преподавателей для семинарий, то есть для будущих пастырей. Но для укоренения в недрах высшей духовной школы каждая дисциплина должна была выявить свое научное значение (в понимании первой половины XIX в.). При этом была опасность, что, попадая в разряд теоретических дисциплин, они потеряют при этом практическую значимость, а это неизбежно сделает их ущербными. К середине 1860-х гг. было достаточно ясно, что настоящая пастырская подготовка должна иметь своим стержнем пастырское богословие, а оно в высшей школе подразумевает богословское осмысление пастырского служения. Самостоятельность пастырского богословия требовала гораздо более четкого определения внешних отношений с другими богословскими и церковно-практическими дисциплинами и прояснения внутреннего содержания.

3. ПАСТЫРСКАЯ ПОДГОТОВКА В МДА В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ УСТАВОВ 1869 И 1884 Г.

Новая реформа духовных семинарий 1867 г. соединила пастырское богословие с каноническим правом. В итоге этого объединения образовался новый предмет преподавания — «практическое руководство для пастырей» (ПРП). В первые же годы после проведения реформы был

⁵¹ П. И. Казанский писал в Академии магистерскую диссертацию по Священному Писанию Ветхого Завета: *Казанский П. И. Об историческом значении книг малых пророков // ПрибТСО 25. 1872. Кн. 1. С. 103–165; Кн. 4. С. 581–636. Да и в дальнейшем по ветхозаветной экзегезе П. И. Казанский писал больше, чем по педагогике и нравственному богословию.*

составлен ряд учебных руководств по новой дисциплине⁵². Несмотря на то что духовных академий эта реформа не коснулась непосредственно, новая дисциплина требовала соответствующей подготовки преподавателей. Особого предмета ПРП в академиях вводить не стали — он был бы слишком *практическим* для высшей школы, — однако при разработке реформы духовных академий, которая началась в том же 1867 г., был поставлен вопрос: как должно быть построено пастырское богословие в Академиях и должно ли оно приобрести более *практическую* направленность?

Новый Устав Духовных академий, утвержденный в 1869 г., подразумевал в духовной школе наличие трех отделений, причем одним из них было церковно-практическое. Предложение о введении этого отделения исходило от архиепископа Макария (Булгакова), который в своем проекте подчеркнул *пастырскую* направленность этого отделения. В его учебный план предполагалось непременно включить четыре составляющие:

- 1) пастырское богословие;
- 2) науки о церковном проповедничестве (гомилетику, историю духовной словесности, общую словесность как науку вспомогательную);
- 3) науки о церковном богослужении (церковную археологию, православную литургику, литургику неправославных церквей и обществ);
- 4) науки о церковном управлении (церковное право)⁵³.

Логика была вполне понятна: три последние составляющие охватывали традиционные стороны пастырской деятельности: учительство, богослужение, управление, — первая же давала богословскую основу этого служения. Нельзя не обратить внимание на то, что этот состав

⁵² См.: Розанов П. П. Опыт курса «Практического руководства для пастырей». Киев, 1872; Хойнацкий А. Ф. Практическое руководство для священнослужителей при совершении церковных треб с указанием церковных правил и гражданских постановлений и принятых в церковно-богослужебной практике обычаев и постановлений. Ч. 1: О совершении Святых Таинств. Чернигов, 1873.; Громов П. В. Уроки «Практического руководства для пастырей». Иркутск, 1873; Хорошунев Ф. Практическое руководство для пастырей. Чернигов, 1879; Нечаев П. И. Практическое руководство для священнослужителей, или Систематическое изложение полного круга их обязанностей и прав. СПб., 1884, и др.

⁵³ РГИА. Ф. 797. Оп. 37. Отд. 1. Ст. 2. Д. 1. Л. 451–452.

во многом переключался с учебно-богословской традицией немецких университетов⁵⁴. В этой традиции практическое богословие воспринималось как одна из частей богословского курса, в дополнение к систематической и исторической, и состояла из практического богословия общего, катехетики, литургики, гомилетики, пастырского богословия и церковного права. Однако в протестантской системе никак не оговаривались какие-то особые функции этой части богословия кроме обычной наряду со всеми прочими частями изучения, не указывалось и специфики в подходах и методах.

В окончательный вариант Устава в целом был включен, таким образом, проект церковно-практического отделения архиепископа Макария. Однако вследствие принятого распределения штатных кафедр «пастырская идея» была «размыта»: из пяти специальных кафедр церковно-практического отделения три относились к пастырскому направлению (пастырское богословие и гомилетика с историей проповедничества; церковная археология и литургика, церковное право), две — к словесному (теория словесности и история русской литературы, с обзором важнейших иностранных литератур, русский язык и славянские наречия)⁵⁵. Определенная логика была и в этом варианте церковно-практического отделения 1869 г.: гомилетика должна была подкрепляться общей словесностью, пастырь должен знать идеи, которые черпает общество из современной литературы. Однако вследствие бурного развития духовной журналистики в 1870-х гг. словесное направление этого отделения приобрело самостоятельную значимость, мало связанную с пастырским служением. Соединение в одну кафедру пастырского богословия и гомилетики с историей проповедничества

⁵⁴ В период разработки Устава 1869 г. обсуждалась немецкая система богословского образования, выделяющая практическое богословие в качестве одной из четырех частей учебного курса. (С. Т. Богословский факультет Королевского Берлинского университета // ХЧ. 1869. Т. 2. № 8. С. 343, 345, 349).

⁵⁵ См.: Высочайше утвержденные 30 мая 1869 г. Устав и штаты Православных Духовных Академий // ПСЗРИ. 2-е собрание. Т. 44. Отд. 1. СПб., 1873. № 47154 (далее — Устав 1869 г.). § 114. С. 552; Штаты // Там же. Отд. 3. С. 424–425. Нравственное богословие по старой традиции соединялось с теоретическим богословием, а не с «практическим» пастырством, поэтому его оставили в теоретическом богословском отделении (см.: Там же. § 112. С. 552).

было достаточно естественно, но при этом было дополнительным затруднением с определением собственного предмета, источников, задач и методов пастырского богословия.

Дополнительные вопросы вызывал специальный статус пастырского богословия (принадлежность к одному из отделений, а не к общеобязательным дисциплинам). Если это и можно было объяснить, имея в виду подготовку исследователей-богословов и преподавателей, то подготовка в академиях священства явно теряла свое основание. Идея авторов Устава была понятна и зафиксирована в Уставе: духовенство готовят семинарии, Академии же должны «доставлять высшее богословское образование, в духе Православия, для просвещенного служения Церкви и готовить преподавателей для духовно-учебных заведений»⁵⁶. Однако и эта формулировка ставилась под сомнение как несоответствующая главной направленности *высшей* духовной школы⁵⁷.

В учебных планах студентов всех отделений был сохранен элемент пастырской подготовки: обязательное составление одной проповеди в год. Разумеется, вполне сохранялось обязательное участие студентов в богослужении, с алтарным и клиросным послушаниями. В МДА как раз в год введения нового Устава был освящен академический храм Покрова Божией Матери, в котором не полагалось специальных причетников — это служение возлагалось всецело на студентов Академии⁵⁸.

Призыв к развитию специальных научных исследований, заявленный реформой 1869 г., введение исторического аспекта в исследования и преподавание, расширение источниковой базы, акцент на применении научно-критических методов существенно повлияли на научное развитие церковного права, церковной археологии, а также литургики и гомилетики. Кардинально изменилась и учебная постановка этих дисциплин. Несмотря на положительный эффект, связь этих дисциплин с пастырской подготовкой требовала дополнительного осмысления и немалых усилий.

⁵⁶ Устав 1869 г. § 1. С. 545.

⁵⁷ Следует, конечно, помнить, что и при действии Устава 1869 г. духовные академии подготовили немало архипастырей и пастырей, в том числе не прошедших семинарию, например, митрополита Антония (Храповицкого).

⁵⁸ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 3. Д. 509. Л. 8–12.

В МДА, преобразованной по правилам нового Устава в 1870 г., пастырское богословие продолжал преподавать протоиерей Филарет Сергиевский, также принявший на себя преподавание гомилетики. В первом же учебном году преобразованной Академии (1870/71 уч. г.) студентам церковно-практического отделения был прочитан синтетический «пастырско-гомилетический» курс. После краткого очерка истории пастырского богословия протоиерей Филарет изложил «основоположительную» часть пастырского богословия, а ко второй — богословскому учению об общественной проповеди пастыря — он присоединил изложение основных начал гомилетики и «историко-критическое обозрение состояния церковной проповеди для народа на Руси вообще»⁵⁹. На следующий год курс пастырского богословия был продолжен изложением практических вопросов: частных пастырских наставлений, деятельности пастырей в народном образовании, пастырского призрения больных и умирающих⁶⁰. Однако перед протоиереем Филаретом, как и перед всеми другими ординарными профессорами, была поставлена задача: представить в течение трех лет докторскую диссертацию или же покинуть академическую кафедру⁶¹. Протоиерей Филарет не смог представить диссертацию, что косвенно подтверждало проблемы, связанные с научным развитием пастырского богословия. По истечении трехлетнего срока Совет МДА ходатайствовал в 1873/74 уч. г. перед Синодом о разрешении протоиерею Филарету оставаться на кафедре в виде исключения⁶². Синод, принимая во внимание сложности, связанные с поиском преподавателя пастырского богословия, давал такое разрешение два раза, но в 1875 г. протоиерею Филарету все же пришлось оставить Академию.

В том же 1875 г. Совет МДА пригласил на кафедру пастырского богословия и гомилетики выпускника Академии 1874 г. Василия Ки-

⁵⁹ См.: Отчет о состоянии МДА в конце 1869/70 и в 1870/71 уч. г. // ПрибТСО 24. 1871. Кн. 3. С. 546–547.

⁶⁰ См.: Отчет о состоянии МДА в 1871/72 уч. г. // ПрибТСО 25. 1872. Кн. 3. С. 476.

⁶¹ См.: Устав 1869 г. § 46. С. 547.

⁶² РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1874 г. Д. 23; Там же. 1875 г. Д. 37.

парисова⁶³. Хотя тема кандидатского сочинения В. Ф. Кипарисова относилась к области церковного права («Понятие о терпимости, индифферентизме и фанатизме на основании церковных правил и государственных законов»), на 4-м курсе он изучал специальную группу предметов, включавшую пастырское богословие, гомилетику, литургику и каноническое право, поэтому отчасти мог считаться специалистом. Защитив диссертацию *pro venia legendi* по гомилетической тематике⁶⁴ и прочитав две требуемые Уставом пробные лекции («О необходимости современной проповеди» и «О необходимости гомилетики как науки»)⁶⁵, В. Ф. Кипарисов был принят на должность приват-доцента. Он и в дальнейшем продолжал заниматься научными исследованиями в области церковного права — этому были посвящены его магистерская и докторская диссертации, — стараясь при этом одновременно поднимать на должный уровень преподаваемые им дисциплины⁶⁶. Но если курс гомилетики выстроился достаточно быстро — В. Ф. Кипарисов начал читать лекции по гомилетике в первый же год своего преподавания, — то с пастырским богословием были связаны вполне понятные сложности. Вплоть до 1881/1882 уч. г. лекции по пастырскому богословию просто не читались, В. Ф. Кипарисов ограничивался достаточно

⁶³ Василий Феодорович Кипарисов (1849–1899). Выпускник Саратовской ДС (1870), магистрант практического отделения МДА 29 курса (1874). С 1874 г. преподавал греческий язык в Литовской ДС; с 1876 г. приват-доцент МДА; с 1883 магистр и доцент; с 1897 г. доктор богословия и ординарный профессор. В 1898 г. уволен по болезни.

⁶⁴ В. Ф. Кипарисов просил совета Инспектора Академии С. К. Смирнова о возможной теме диссертации, предлагая три возможные темы: 1) «Отношение Древне-Вселенской Церкви ко мнениям отдельных церковных общин и лиц церковной иерархии по вопросам вероучения и церковной дисциплины» (на основе кандидатской работы); 2) «Цензура церковной проповеди в Русской Церкви»; 3) «Предметы церковной проповеди в первые века христианства» (см.: Письмо В. Ф. Кипарисова к С. К. Смирнову от 27 июля 1875 г. // БВ. 1915. Т. 3. № 10/11/12. С. 674–676).

⁶⁵ ЦИИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5093. Личное дело преподавателя В. Ф. Кипарисова. Л. 9.

⁶⁶ В 1883 г. В. Ф. Кипарисов защитил магистерскую диссертацию: *Кипарисов В. Ф. О свободе совести. Опыт исследования вопроса в области истории Церкви и государства, с I по IX в. Вып. 1. М., 1883*. В 1897 г. был удостоен степени доктора богословия за сочинение: *Кипарисов В. Ф. О церковной дисциплине*. СПб, 1897.

обширным курсом гомилетики, построенном в виде очерков⁶⁷. Видимо, добросовестность исследователя и преподавателя не позволяла В. Ф. Кипарисову представлять студентам то, что, по его мнению, не отвечало *специальному* настрою эпохи 1870-х гг. Кроме того, сказывалось, по-видимому, и отсутствие личного пастырского опыта. Лишь в 1883/84 уч. г. лекции по пастырскому богословию были им прочитаны. Лектор включил в курс три больших раздела: 1) обзор состояния науки [пастырского богословия] на Западе и у нас; 2) главнейшие памятники святоотеческой литературы, относящиеся к учению о пастырстве; 3) о пастырстве в его общественной деятельности и в его частной жизни, преимущественно на основании святоотеческих творений⁶⁸.

Устав 1869 г. ввел еще одну форму учебных занятий — «практические лекции» для выпускного (4-го) курса по специальным группам предметов. Эти занятия должны были помочь студентам готовиться к магистерскому экзамену и к преподаванию в семинариях по дисциплинам, включенным в выбранную ими специальную группу. Среди 8 специальных групп одна была связана с пастырским направлением: гомилетика, литургика и пастырское руководство для пастырей. Включение последней дисциплины было обусловлено ее присутствием в учебных планах семинарий, однако произвольно составило коллизию с академическими учебными планами. Кроме того, отсутствие пастырского богословия в специальных программах магистерского экзамена ставило вопрос о научной состоятельности этой дисциплины. Следует заметить, что в МДА по «пастырской группе» специализировалось обычно немного студентов: так, среди выпускников 1883 г. эту группу избрали

⁶⁷ Так, в 1879/80 уч. г. студентам 3-го курса было прочитано три раздела по христианской проповеди разных эпох и конфессий: 1) история проповеди в Церкви Восточной в первые четыре века; 2) история проповеди в Церкви Католической в период от IX до XVI столетия; 3) история протестантской проповеди от начала Реформации до конца XVII столетия параллельно с историей католической проповеди за тот же период (см.: Отчет о состоянии МДА в 1878/79 уч. г. // ПрибТСО 26. 1880. Кн. 1. С. 166; То же в 1879/80 уч. г. // ПрибТСО 26. 1880. Кн. 4. С. 1125; То же в 1880/81 уч. г. // ПрибТСО 28. 1881. Кн. 4. С. 664; То же в 1881/82 уч. г. // ПрибТСО 30. 1882. Кн. 2. С. 696).

⁶⁸ См.: Отчет о состоянии МДА в 1883/84 уч. г. // ПрибТСО 35. 1885. Кн. 1. С. 418.

всего лишь четверо, в то время как словесное направление выбрало восемь студентов⁶⁹.

Однако период действия Устава 1869 г. был уже на исходе. В 1881 г. началась подготовка некоторых изменений в строе духовных академий, они вылились в новую реформу, проведенную в 1884 г. Новый Устав духовных академий 1884 г. отменил специализацию по отделениям, вернув большей части богословских дисциплин, в том числе пастырскому богословию, нравственному богословию, церковному праву, гомилетике, статус общеобязательных. При этом пастырское богословие было соединено в одну кафедру с педагогикой, а гомилетика и нравственное богословие получили отдельные кафедры⁷⁰. Среди предполагаемых служений выпускников духовных академий на первом месте в новом Уставе указывалось пастырское⁷¹.

В МДА вновь сложилась тогда непростая ситуация с замещением кафедры пастырского богословия. В. Ф. Кипарисов выбрал для дальнейшего преподавания кафедру гомилетики, П. И. Казанский избрал нравственное богословие, для кафедры же пастырского богословия и педагогики кандидата не было⁷². В 1884/85 уч. г. пастырское богословие просто не читалось, в следующем учебном году этот курс согласился прочитать В. Ф. Кипарисов, в сентябре 1886 г. кафедра была замещена выпускником Академии 1885 г. Александром Шостыным⁷³.

А. П. Шостын три первых курса своей учебы в Академии (1881/82–1883/84 уч. г.) специализировался по богословскому отделению и не слушал пастырского богословия (педагогика же была

⁶⁹ См.: ЖС МДА за 1883 год // ПрибТСО 32. 1883. Кн. 1. С. 39.

⁷⁰ См.: Устав 1884 г. § 100. С. 252.

⁷¹ См.: Там же. § 1. С. 232.

⁷² См.: ЖС МДА за 1884 год // ПрибТСО 34. 1884. Кн. 4. С. 100.

⁷³ См.: Отчет о состоянии МДА в 1885/86 уч. г. // ПрибТСО 39. 1887. Кн. 1. С. 69–70; ЖС МДА за 1885 год // ПрибТСО 37. 1886. Кн. 1. С. 105–106.

Александр Павлович Шостын (1862–1916) — выпускник Рязанской ДС (1881), 1-й магистрант МДА 40 курса (1885); в 1885/86 уч. г. профессорский стипендиат Академии. С 1886 г. исполняющий должность доцента МДА; с 1890 г. магистр и доцент; с 1895 г. э.-орд. профессор; с 1907 г. инспектор Академии; с 1908 г. исполняющий должность ординарного профессора; с 1911 г. заслуженный профессор.

общеобязательной дисциплиной)⁷⁴. Однако ему и его однокурсникам на выпускном курсе (в 1884/85 уч. г.) были прочитаны все дисциплины, которых они не слушали в рамках своего отделения, поэтому формально он имел право преподавать и пастырское богословие. Конечно, такое чтение проходило в экстремальном режиме, и ожидать глубоких познаний у выпускников было бы сложно. Но А. П. Шостыин представлял ежегодно проповеди, которые признавались в числе лучших, что также учитывалось Советом Академии⁷⁵. Как первый студент своего выпуска Шостыин был оставлен профессорским стипендиатом для приготовления к вакантной кафедре пастырского богословия и педагогики⁷⁶. Составляя очередной отчет за стипендиатский год, он указал, что изучал, прежде всего, историю педагогики по трудам немецких ученых (Крамера, Шмидта, Раумера, Фогеля) и статьи из многотомной педагогической энциклопедии Шмидта. Подготовка к преподаванию пастырского богословия состояла в «анализе и уяснении» новозаветного учения о пастырстве и изучении древнеотеческих пастырских произведений: бесед на пастырские послания апостола Павла и слов о священстве святого Иоанна Златоуста; некоторых слов святого Григория Богослова; пастырского правила святого Григория Двоеслова⁷⁷.

В 1886/87–1891/92 уч. г. А. П. Шостыин читал лекции по пастырскому богословию по единому плану: общее введение в науку, учение о сущности и задачах пастырской деятельности и о субъективных и объективных средствах для ее успешного выполнения; специальный отдел о пастырском попечении для лиц, недугующих физически, нравственно и умственно (пастырское посещение больных и умирающих, исповедь для недугующих нравственно, отношение пастыря к неверующим и суеверным)⁷⁸. В основу лекций А. П. Шостыин клал идею

⁷⁴ См.: ЖС МДА за 1882 год // ПрибТСО 30. 1882. Кн. 2. С. 55.

⁷⁵ См.: ЖС МДА за 1885 год // ПрибТСО 37. 1886. Кн. 1. С. 82.

⁷⁶ См.: Там же. С. 105–106.

⁷⁷ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5255. Личное дело преподавателя А. П. Шостыина. Л. 96.

⁷⁸ Отчет о состоянии МДА в 1886/87 уч. г. // ПрибТСО 40. 1887. Кн. 4. С. 264; То же в 1888/89 уч. г. // ПрибТСО 44. 1889. Кн. 4. С. 699; То же в 1889/90 уч. г. // ПрибТСО 47. 1891. Кн. 1. С. 112–113.

пастырства как «душепопечения», с точки зрения этой идеи он рассматривал все пасторологические теории. Он уделял также большое внимание пастырским идеалам святых отцов, сосредоточиваясь на пастырских словах святителей Иоанна Златоуста и Григория Богослова, сочинении «Об обязанностях священнослужителей» святителя Амвросия Медиоланского и «Пастырском правиле» святителя Григория Двоеслова. В последующие два года им был добавлен обзор литературы по пастырскому богословию⁷⁹.

Чтения А. П. Шостыина по педагогике были значительно более обширны, поэтому каждый год он останавливался более подробно на тех или иных разделах⁸⁰. Он излагал историю педагогики дохристианской (древних греков, древних римлян, еврейского народа) и христианской (святителя Иоанна Златоуста, Оригена, блаженного Иеронима, блаженного Августина); рассматривал западную схоластическую педагогику и первые опыты систематической подготовки (Амоса Коменского, Локка и Руссо), уделял внимание системе Песталоцци, обращал внимание на русских педагогов (Ушинского и др.). Кроме истории науки, в лекциях излагались теоретические вопросы педагогики (о цели воспитания, его объекте и субъекте) и дидактики (о воспитательном значении предметов обучения)⁸¹.

Осенью 1890 г. ректором МДА был назначен архимандрит Антоний (Храповицкий)⁸². Ректору по Уставу 1884 г. полагалось пре-

⁷⁹ То же в 1890/91 уч. г. // ПрибТСО 48. 1891. Кн. 2. С. 650.

⁸⁰ Защищенная А. П. Шостыиным в 1890 г. магистерская диссертация отвечала его старым студенческим интересам и не была связана ни с одной из дисциплин его кафедры: *Шостын А. П.* Источники и предмет догматики, по воззрениям католических богословов последнего полувека. Харьков, 1889.

⁸¹ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 3. Д. 408. Программы чтений и конспекты лекций по педагогике. Л. 1, 2.

⁸² Антоний (Храповицкий) (1863–1936), митрополит. Выпускник петербургской гимназии (1881), кандидат СПбДА (1885), при окончании Академии принял монашеский постриг. В 1885/86 уч. г. профессорский стипендиат СПбДА; с 1886 г. преподаватель Холмской ДС; с 1887 г. исполняющий должность доцента СПбДА; с 1888 г. магистр богословия и доцент; с 1889 г. исполнял должность инспектора Академии в сане архимандрита. С 1890 г. ректор МДА; с 1895 г. ректор КазДА, с 1897 г. в сане епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии. С 1900 г. епископ Уфимский и Мензелинский, с 1902 г. — Вольнский и Житомирский. С 1911 г. доктор богословия

подавать «одну из богословских наук по своему избранию, имея не более двух лекций в неделю»⁸³. Архимандрит Антоний избрал для преподавания пастырское богословие, подчеркнув тем самым его значимость, и начал читать лекции с 1892/93 г., оставив А. П. Шостыну преподавание педагогики. В этом году архимандрит Антоний читал лекции по следующему плану: основные понятия о науке пастырского богословия, о пастырском призвании, о принятии благодати священства и о приготовлении к нему⁸⁴. В последующие годы (1893/94 и 1894/95 уч. г.) он несколько изменил план курса, обращая, прежде всего, внимание на разделы о внутренней жизни пастыря (пастырскую аскетику) и о душепопечении (управлении приходом и исповеди кающихся)⁸⁵.

Курс пастырского богословия, который архимандрит Антоний читал в эти годы в МДА, отчасти можно восстановить по его позднейшим публикациям⁸⁶. Архимандрит Антоний не был удовлетворен существующей пасторологической литературой. С его точки зрения, авторы, пытаясь указать особые, внутренние, субъективные свойства пастыря, не идут дальше обыкновенных требований, обязательных для всех христиан, или описывают внешнюю сторону пастырской деятельности. По мнению архимандрита Антония, сущность священства — нечто иное.

(по совокупности работ). С 1914 г. архиепископ Харьковский и Ахтырский, с 1917 г. митрополит, с 1918 г. — Киевский и Галицкий. С 1920 г. за границей, до своей кончины возглавлял Русскую Православную Церковь за границей.

⁸³ См.: Устав 1884 г. § 21. С. 235.

⁸⁴ Отчет о состоянии МДА в 1892/93 уч. г. СП, 1893. С. 18.

⁸⁵ Отчет о состоянии МДА в 1893/94 уч. г. СП, 1894. С. 17; То же в 1894/1895 уч. г. СП, 1895. С. 24.

⁸⁶ См.: Антоний (Храповицкий), архим. Два пути пастырства — латинский и православный // БВ. 1894. Т. 1. № 2. С. 258–281 (2-я пагин.); Он же. Из чтений по Пастырскому богословию. Каз., 1896; Он же. Значение молитвы для пастыря Церкви // ПС. 1897. № 5. С. 587–607; Он же. О пастырском призвании // Руководство для сельских пастырей. 1900. В дальнейшем: Антоний (Храповицкий), митр. Исповедь. Варшава, 1928; Он же. Пастырское богословие. Сборник статей и лекций по религиозным вопросам из области науки пастырского богословия (переизданная часть 2-го тома Полного собрания его сочинений). Харбин, 1935. См. также переизд.: Антоний (Храповицкий), митр. Основные начала православного пастырства // Он же. Избранные труды. Письма. Материалы. М., 2007. С. 225–248.

Предметом пастырского богословия является точнейшее определение особой духовной настроенности пастыря, а также описание законов ее усвоения, охранения, развития и воздействия на жизнь прихода. Да, Божественная благодать, делающая возможным пастырский подвиг всецелого посвящения себя Богу и спасения ближних, дается в Таинстве священства. В нем пастырь получает утончение способности переживать скорби и радости пасомых сострадательною, болеющею о них любовью. Согласно архимандриту Антонию, дар «сострадательной любви» есть главный благодатный дар пастырства. С одной стороны, он является продолжением искупительной Христовой любви к падшему человечеству, с другой — позволяет разрешить одну из главных «антиномий» пастырского служения, возникающую из необходимости «пасти», не нарушая при этом свободы воли пасомых. Именно дар сострадательной любви, по мысли архимандрита Антония, и является здесь существенно необходимым, так как через таинственное отождествление пастырем себя со своей паствой дает возможность последней высвободить и актуализировать добрые начала души⁸⁷. Этой особой благодатью священства пастырское служение отличается от любого нравственного руководства ближними, от педагогики. Говоря о пастырском призвании, архимандрит Антоний считал его субъективными признаками желание священства, любовь к пастырству и внутренний голос Божий, а объективными — пастырскую подготовленность. Недовольство собой и искание нравственного обновления — а это свойственно русскому характеру, — подчиненные пастырской идее, развивают важные пастырские качества: «сострадание греховной немощи людей, скорбь о грешных людях и пламенеющее желание о приближении их и себя к Богу». Поэтому подготавливают к пастырству, с одной стороны, изучение слова Божия и святых отцов, с другой — и чтение «изящной литературы», особенно сочинений Ф. М. Достоевского, а также и личное наблюдение жизни.

Следует отметить, что архиепископ Антоний при обсуждении нового Устава духовных академий в 1909 г. высказывался за исключение из

⁸⁷ См. подробнее: Хондзинский Павел, *свящ.* Догмат любви // Антоний (Храповицкий), *митр.* Избранные труды. Письма. Материалы. М., 2007. С. 69–71.

программы духовных академий всех небогословских предметов, кроме философии и русской литературы, ибо первая учит пастыря думать, вторая — помогает в изучении жизни, людей, их характера, их поведения в тех или иных жизненных обстоятельствах, часто критических. Именно в таких случаях обращаются к пастырю, и он должен понимать все столь глубоко, чтобы верно оценить ситуацию, использовать весь опыт, накопленный и богословием, и Церковью, и человечеством, и дать верный совет. Но, разумеется, для всего этого кандидату священства необходима выработка чистоты душевной, проникновение благочестием, молитва и борьба с закрытостью, которая мешает сострадательной любви. Преосвященный Антоний делал акцент на различии двух путей пастырства: латинского и православного, — включая в пастырское богословия элемент сравнительного богословия.

Архимандрит Антоний не ограничивался обязательными часами лекций, но проводил и занятия для желающих вне учебного плана. Так, в октябре 1893 г. он прочитал студентам внеклассную лекцию «Пастырское изучение людей и жизни по сочинениям Ф. М. Достоевского»⁸⁸. Кроме того, пастырское воспитание велось и в личном общении. «Мы жили, согретые его любовью и лаской... Он раскрывал нам высокие и святые задачи пастырского служения. Он впервые, может быть, многим из нас раскрывал смысл православного пастырства как любовного и самоотверженного приятия в свою душу своей паствы, переживания вместе с нею всех горестей и радостей, всех испытаний, искушений и падений своих духовных чад и возрождения и восстания силою сострадательной любви и молитвы»⁸⁹.

Летом 1895 г. архимандрита Антония перевели ректором Казанской духовной академии. Его преемник архимандрит Лаврентий (Некрасов) также выбрал для преподавания пастырское богословие, но читал свои лекции совместно с профессором А. П. Шостыным. Их курс 1895/96—1897/98 уч. г. был построен по программе, состоящей из

⁸⁸ См.: Антоний (Храповицкий), митр. Избранные труды, письма, материалы. М., 2007. С. 249—278.

⁸⁹ Из воспоминаний о. Сергия Четверикова ко дню 50-летнего юбилей митрополита Антония (Храповицкого). Цит. по: Никон (Рклицкий), архиеп. Антоний (Храповицкий) и его время. 1836—1863. Кн. 1. Нижний Новгород, 2003. С. 162.

двух частей: *история* христианского пастырства и *теория* пастырства. В исторический раздел было, в частности, включено: пастырство Господа Иисуса Христа; учение святых апостолов об обязанностях пастырей Церкви и их пастырская деятельность как образец для пастырей; пастырские воззрения древних святых отцов — мужей апостольских, священномучеников Ириния Лионского и Киприана Карфагенского, «Постановлений апостольских», святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, преподобного Ефрема Сирина, отцов-подвижников, преподобного Иоанна Лествичника, святителя Григория Двоеслова. В теоретический отдел включалось: понятие о науке пастырского богословия; источники и литература этой науки (западная и отечественная) со второй половины XVIII в.; основная цель христианского пастырства и вытекающая из нее обязанность частного душепопечения по слову Божию и по учению святых отцов Церкви; общие условия пастырской деятельности и средства к ее осуществлению. В этот же раздел были включены практические применения пастырской теории, то есть указанных средств к частным случаям пастырского служения человечеству: попечение о бедных и заключенных в темницах, посещение больных и умирающих; вразумление неверующих, суевренных, сектантов; наложение епитимий сообразно с индивидуальными особенностями кающихся грешников⁹⁰.

В 1898 г. архимандрита Лаврентия сменил на посту ректора МДА архимандрит (с февраля 1899 г. епископ Волоколамский) Арсений (Стадницкий). Он продолжал преподавать библейскую историю, которую преподавал еще будучи инспектором Академии. Поэтому пастырское богословие читал снова один А. П. Шостыин — с 1898/99 до 1908/09 уч. г. Он сохранил в целом старую программу курса, только постепенно расширял «святоотеческую» составляющую и практический раздел. Так, в частности, он более подробно разработал раздел о наложении пастырем епитимий «сообразно с индивидуальными особенностями кающихся грешников»⁹¹.

⁹⁰ См.: Отчет о состоянии МДА в 1895/96 уч. г. СП, 1896. С. 25; То же в 1896/97 учебном году. СП, 1897. С. 22–23; То же в 1897/98 учебном году. СП, 1897. С. 27–28.

⁹¹ См.: Отчет о состоянии МДА в 1898/99 уч. г. СП, 1899. С. 29–30 и далее.

Структура курса не может полностью передать результаты преподавания, то есть его воздействие на студентов. Ученики вспоминали о лекциях А. П. Шостыина с благодарностью, обращая особое внимание на то, что обе дисциплины — пастырское богословие и педагогика — объединялись у А. П. Шостыина «идеалом Христа как совершеннейшего Пастыря и неподражаемого Педагога»⁹².

Элементом пастырской подготовки студентов оставалась гомилетическая работа — ежегодное составление проповедей. Их проверял преподаватель гомиластики, поэтому В. Ф. Кипарисов, отойдя от преподавания пастырского богословия, продолжал участвовать в пастырской подготовке. Он проверял ежегодно более 200 проповедей (так, в 1886/87 уч. г. он рассмотрел и исправил 248 проповедей, в 1887/88 — 224, в 1888/89 — 213, в 1889/90 — 207, в 1890/91 — 200, в 1891/92 — 231). Проповеди писались чаще всего на тексты, заимствованные из апостольских или ветхозаветных чтений дня, за исключением проповедей на 25 сентября (память преподобного Сергия Радонежского), 30 сентября (поминовение почивших наставников), 1 октября (Покров Божией Матери, престольный праздник академического храма и актывый день МДА) и 2 октября⁹³. Лучшие из составленных проповедей после рассмотрения о. Ректором произносились в академическом храме.

На развитие пастырской подготовки в Академии в конце XIX — начале XX вв. значительно повлиял «церковно-практический» настрой эпохи. Заметное расцерковление русского народа во всех сословиях, беспокойная обстановка в учебных заведениях, оживление различных толков старообрядцев, угрожающая активность русского сектантства ставили перед духовенством особые задачи и требовали от него особой ревности и жертвенности в пастырском служении. Это служение должно было осмысляться в догматическом, каноническом, церковно-историческом, нравственно-психологическом отношениях, базироваться на изучении святоотеческого наследия, церковных традиций и опыта

⁹² См.: Попов К. М., А. Т., И. И. Профессор Александр Павлович Шостыин [† 11 января 1916 г.]: Некролог с портретом и автографом // БВ. 1916. Т. 1. № 3/4. С. 9 (1-я пагин.).

⁹³ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 3. Д. 199. Л. 3.

пастырства. В те годы в Русской Православной Церкви появились замечательные пастыри: святой Иоанн Кронштадтский, святой Алексий Мечев, протоиерей Валентин Амфитеатров. Их опыт пастырства, литургического служения, духовничества не только выявлял живую реальность и тайну священства, но и ставил перед пастырским богословием ряд важных вопросов. В чем суть этого опыта, допускает ли он обобщение или связан исключительно с конкретной личностью пастыря? Если этот опыт обобщаем и может составить предмет изучения, осмысления и освоения несущих пастырское служение, то возможно ли приобщение к такому опыту академическим, «школьным» путем? Студенты Академии искали ответы на эти вопросы прежде всего в жизни. Известное посещение Академии святым праведным Иоанном Кронштадтским в 1895 г.⁹⁴ не исчерпывало общение студентов МДА с великим пастырем: ими предпринимались самостоятельные поездки в Кронштадт⁹⁵. Они встречались и с другими подвижниками и пастырями: в Лавре, в Гёфсиманском скиту, в Оптиной пустыни.

Церковно-практический настрой глубоко отразился и на МДА в целом, пробудив инициативу преподавательской корпорации. Так, в 1897 г. по инициативе МДА и митрополита Московского Сергия (Ляпидевского) в духовных академиях был сделан общеобязательным предмет истории и обличения русского раскола. При этом главным аргументом, который выдвигал Совет МДА, был «пастырский»: эти знания необходимы каждому священнику, окончившему академический курс⁹⁶.

Активизировалась также внеучебная просветительская и проповедническая деятельность студентов. Чтения лекций по дисциплинам, имеющим отношение к пастырскому служению — пастырскому богос-

⁹⁴ См.: Соколов В. А. Посещение Московской духовной академии отцом Иоанном Кронштадтским // БВ. 1895. Т. 1. № 2. С. 279–289 (3-я пагин.); Никон (Рклицкий), архиеп. Антоний (Храповицкий) и его время. 1836–1863. Кн. 1. Нижний Новгород, 2003. С. 212–218.

⁹⁵ См.: М. В. Два дня в Кронштадте. Из дневника студента: В 4 ч. // Святой Праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях современников. М., 1998. С. 11–32.

⁹⁶ Указ Святейшего Синода от 4 января 1897 г. по ходатайству Совета МДА и Московского митрополита Сергия (Ляпидевского) (См.: Отчет обер-прокурора за 1896 и 1897 гг. С. 188–189).

ловию, гомилетике, литургике, истории и полемике с расколом и сектами, — все же было явно недостаточно. Надо было вырабатывать умение применять эти знания практически, получить опыт участия и организации приходской жизни, навыки церковно-просветительской и церковно-социальной деятельности.

В 1892 г. в МДА по инициативе ректора, архимандрита Антония (Храповицкого), в МДА был создан кружок религиозно-нравственного просвещения. В 1898 г. эта традиция была продолжена ректором епископом Арсением (Стадницким). С благословения митрополита Владимира (Богоявленского) в Академии была возобновлена студенческая просветительская деятельность: проводились собеседования с народом после воскресных и праздничных богослужений в храме Академии, народные чтения религиозно-нравственного содержания со студенческим пением духовных и патриотических песен, церковно-исторические и литературно-нравоучительные чтения для детей. В народных чтениях принимало участие значительное число студентов МДА — всего до 74. Студенческое проповедничество и беседы имели отклик: в храме МДА на внебогослужебных беседах бывало до 1200 человек, что для Сергиева Посада было весьма немалым числом. При МДА активно действовала, уже с 1899 г., детская церковно-приходская школа, в которой преподавали выпускники МДА и студенты старших курсов, а законоучителями были студенты в священном сане. С 1900 г. по инициативе ректора епископа Арсения (Стадницкого) была открыта также воскресная школа для взрослых, которая через два года стала соответствовать по программам одноклассной и двухклассной церковно-приходским школам⁹⁷. В 1906 г. в Академии было предложено создать студенческое Пастырско-просветительское братство, в котором должны были найти место все начинания студентов, выработанные ими в 1890—1900-х гг.: Проповеднический, Попечительный, Издательский отделы, Отдел по организации народных чтений, бесплатная библиотека для жителей Посада, приют-школа для бедных детей⁹⁸.

⁹⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 190. Л. 9—60 об.; ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 3. Д. 788, 814, 890, 965; Отчет обер-прокурора за 1899 год. СПб., 1902. С. 181; То же за 1903 и 1904 годы. СПб., 1909. С. 208—211; *Евдоким, еп. 1915*. С. 31—44.

⁹⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 190. Л. 9—60 об., 65—66; ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 3.

Оценка столь активной церковно-практической деятельности студентов не была достаточно однозначной. Некоторые члены профессорско-преподавательской корпорации Академии считали, что студентов следует ограждать от влияния расцерковленного общества, настраивая исключительно на традиционный духовно-учебный процесс. Другие же преподаватели считали совершенно необходимым для будущих пастырей и богословов знать все эти проблемы и учиться вырабатывать решения в трудных ситуациях, не убегая от проблем, а работая над воцерковлением общественной инициативы⁹⁹.

4. ПАСТЫРСКАЯ ПОДГОТОВКА В МДА В НАЧАЛЕ XX В.

Особый вклад в развитие пастырского богословия в духовной школе внесли события 1905–1906 гг. В отзывах епархиальных архиереев, составленных в эти годы, тема пастырского служения затрагивалась с 4-х сторон: 1) при обсуждении проблем прихода и приходской об-

Д. 611, 834, 890, 965 и др. См. также: *Евдоким, еп. 1915*. С. 294–298; *Голубцов С., протоиерей*. Московская Духовная Академия в эпоху революций. М., 1999. С. 133–138. Кроме того: *Христианин*. 1907. № 1. С. 215–219; *Сухова Н. Ю.* Студенты высшей духовной школы в России — научный поиск и церковный порыв (1890–1900-е гг.) // *Сухова 2007*. С. 282–295.

⁹⁹ Архимандрит Антоний (Храповицкий), уже будучи ректором КазДА, в 1896 г. писал о необходимости приближать академии — как профессорам, так и студентам — к реальной церковно-общественной жизни. «Проповедь слова Божия должна была быть... живою общественною речью» (см.: *Антоний (Храповицкий), архим.* В защиту наших академий // *ПС*. 1896. № 11. С. 16, 39; *Он же.* О специализации духовных академий // *ВиР*. 1897. Т. 1. Ч. 1. С. 432). В начале XX в. некоторые преподаватели и выпускники МДА призывали к еще более активному знакомству студентов с реальной жизнью и «нравственными нуждами общества», предоставлению им возможности «самодеятельного практического участия... в церковном учительстве и церковной жизни». Отрыв академий от образованного общества оценивался как беда обеих сторон: «Не хотим знать иного мира, в котором живет интеллигенция...» «Необходимо православному богослову... чутко вслушиваться в запросы времени... глубоко, напряженно-пристально вдумываться в особенности духовных интересов, которыми живет современное общество» (см.: *Светлов П. Я., священник.* Образованное общество и современное богословие // *БВ*. 1901. № 11. С. 524 (2-я пагин.); *Введенский А. И.* Запросы времени // *ВиР*. 1903. № 10. С. 243).

щины (в том числе, шла речь о более тесной связи пастыря и паствы, о выборности приходского духовенства); 2) при обсуждении участия духовенства в общественно-государственных организациях и органах разного статуса; 3) при обсуждении обеспечения, статуса и прав приходского духовенства; 4) при обсуждении проблем духовной школы, т. е. подготовки пастырства¹⁰⁰. Отзывы содержали огромный материал по проблемам прихода, приходского духовенства, духовного образования, требующий дальнейшей разработки.

Епархиальные архиереи сетовали на значительное ослабление духовной жизни; многие из них, особенно имевшие личный опыт приходского служения, склонны были видеть корень церковных проблем в недостаточном внимании к подготовке духовенства. Пастырей готовят формально, не стараясь пробуждать любовь к будущей пастве, будить в их сердце сопереживание, понимание смысла и главной цели пастырского пути, подвига. Следствием этого является формальная исповедь, холодное отношение к Таинствам. В центре проповеди не стоит любовь Божественная и жизнь и жертвенность из любви и благодарности к Богу. Богословие не стоит в центре пастырского служения, то есть проблемы, о которых сетовали два века назад, остаются поныне актуальными, а утилитарный настрой времени их даже усугубил. Хотя эти замечания имели непосредственное отношение к подготовке пастырей в семинариях, все укоры переносились и на подготовку учителей для будущих пастырей в академиях.

Ответом на все эти укоры стало обсуждение пастырской подготовки и пастырской настроенности в духовных Академиях при разработке нового Устава духовных Академий в 1909 г. На заседаниях комиссии, которая занималась разработкой нового Устава духовных Академий, сам вопрос о предназначенности Академий к пастырскому образованию вызвал горячую дискуссию¹⁰¹. Представителя Академий указывали на

¹⁰⁰ См.: Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: В 4 т. СПб., 1906; перизд.: В 2 ч. М., 2004. Вопрос о проблемах духовной школы был одним из обязательных, поэтому на него ответили практически все архиереи.

¹⁰¹ В состав комиссии входило пять архиереев (архиепископы Димитрий (Ковальницкий), Антоний (Храповицкий), Сергей (Страгородский), Арсений (Стадницкий) и ректор СПбДА епископ Феофан (Быстров)) и представители всех четырех академий, профессора-миряне.

идею реформы 1808—1814 гг.: собственно пастырской, *духовной* школой в «*профессиональном*» смысле слова являлась семинария, высшие же школы, Академии, имеют особые задачи: развитие богословской науки и подготовка научно-педагогических кадров. Следует ли специально готовить студентов Академий к священству? Следует ли настойчиво призывать выпускников Академий, преподающих в семинариях, к принятию сана? Архиепископы Антоний (Храповицкий) и Сергей (Старгородский) считали, что сомнения в этом вопросе — это прежде всего свидетельство неопределенности тех принципов, согласно которым живет российская духовная школа. От этой неопределенности наиболее страдает сама духовная школа, которая мечется в поисках пути, уходя от истинного, ей предназначенного. Могут ли научить и воспитать будущих пастырей те, кто сам уклонился от пастырства по нежеланию или боязни? Могут ли заниматься разработкой церковной науки те, кто не пожелал взять на свои плечи предлагаемого креста священства? Общая дискуссия конкретизировалась при обсуждении формулировки первого параграфа Устава, то есть цели духовных Академий. Преосвященные Антоний и Сергей настаивали на том, что в Уставе необходимо четко сформулировать главную цель высшей духовной школы: приготовление на служение Церкви *преимущественно в священном сане*. Подготовка к пастырству должна стать структурообразующей идеей высшего духовного образования и практическим применением теоретического богословия к жизни Церкви. Представляя пастырство лишь *одним из возможных* выходов для своих выпускников, Академии изменяли, по мнению преосвященных, своей главной задаче и лишали богословие его итоговой, результативной составляющей. А это обуславливало значительную слабость в исполнении и других задач — педагогической и научно-богословской¹⁰². Другие члены комиссии противились такой однозначности: Академии — не пастырские школы, как семинарии, а должны заниматься научным изучением богословия. Хотя, конечно, желательно, чтобы питомцы Академий стремились служить Церкви в священном сане, это не должно быть главным критерием их успешной

¹⁰² См.: Журналы учрежденной при Святейшем Синоде Комиссии для выработки проекта нового Устава Духовных Академий. СПб., 1909. С. 6—8.

деятельности. Церковное служение духовной школы и практическое применение богословских знаний не столь однозначно, а упрощение в его осмыслении чревато и значительным ослаблением богословской науки, и такими негативными явлениями, как карьеризм ученого монашества, неявное насилие над искренним выбором духовного пути, умаление значимости церковного служения как такового¹⁰³.

Новый Устав 1910—1911 гг. был определенной попыткой компромисса этих точек зрения, однако не очень удачной: в результате вместо гармонии получилась эклектика. Впрочем, комплекс дисциплин, связанных с пастырской подготовкой, постарались максимально укрепить. Был подтвержден их общеобязательный статус, пастырское богословие было отделено от педагогики: пастырское богословие было дополнено аскетикой, а педагогика — дидактикой с методологией наук, преподаваемых в духовно-учебных заведениях. Однако, несмотря на самостоятельный статус пастырского богословия с аскетикой и гомилетики, на обе дисциплины полагался всего один преподаватель, то есть они вновь, как и при Уставе 1869 г., соединялись в одну кафедру¹⁰⁴.

Устав 1910—1911 гг. также ввел в учебные планы духовных академий практические занятия по большей части богословских и гуманитарных дисциплин. На практических занятиях по кафедре пастырского богословия и гомилетики — а им Устав уделял повышенное внимание — студенты должны были, кроме изучения и разбора важнейших патрологических и гомилетических произведений, составлять проповеди, учиться произносить «заранее приготовленные проповеди на память» и «экспромты»¹⁰⁵.

При перераспределении кафедр по правилам нового Устава А. П. Шостыин выбрал себе педагогику и дидактику с методологией

¹⁰³ См.: Там же. С. 8—9.

¹⁰⁴ В Уставе 1910 г. на пастырское богословие с аскетикой и на гомилетику полагался один преподаватель и 10 лекций, из которых 5 назначались на пастырское богословие с аскетикой в один год, 5 — на гомилетику в другой год. В изменениях 1911 г. на пастырское богословие с аскетикой и на гомилетику полагался один преподаватель и 8 лекций, из которых 4 назначались на пастырское богословие с аскетикой в один год, 4 — на гомилетику в другой год (см.: Устав 1910 г. § 130. С. 424; Изменения 1911 г. § 130. С. 868).

¹⁰⁵ См.: Изменения 1911 г. § 156. С. 870.

наук, преподаваемых в духовно-учебных заведениях. На кафедру пастырского богословия с аскетикой и гомилетики был избран выпускник МДА 1909 г. и профессорский стипендиат 1909/10 уч. г. Василий Виноградов¹⁰⁶. В. П. Виноградов специализировался по гомилетике, поэтому избрание это он воспринял с радостью и энтузиазмом¹⁰⁷. На его долю и выпало читать лекции по гомилетике, первая составляющая его кафедры была принята на себя — уже по традиции Академии — ректором. Но В. П. Виноградов не ограничивался одним только аудиторным преподаванием. Он возглавил проповедническую деятельность студентов: во-первых, как преподаватель гомилетики, проверяющий обязательные учебные проповеди, во-вторых, как заведующий Проповедническим отделом Пастырско-просветительского братства.

Выразителем пастырских идей нового Устава стал в МДА ректор епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский)¹⁰⁸. Для преподава-

¹⁰⁶ Василий Петрович Виноградов (1885–1968). Выпускник Вифанской ДС (1905), 1-й магистрант 64 курса МДА (1909); в 1909/10 уч. г. профессорский стипендиат Академии. С 1910 г. исполняющий должность доцента МДА; с 1914 магистр и доцент; в 1916 г. переведен в Московскую ДС; в 1917 г. восстановлен в Академии по решению Совета Академии и избран э.-орд. профессором. В 1922 г. принял священный сан, с 1928 г. митрофорный протоиерей. В 1923–1930 гг. настоятель московской Тихвинской церкви в Сущеве; в 1942 г. служил в церкви села Федоровское Угодско-Заводского района Калужской области; во время оккупации переехал в Вильно, где вплоть до 1944 г. был ректором пастырских курсов и заместителем Свято-Духовского монастыря. Эмигрировал в Австрию, перешел в юрисдикцию Зарубежной Церкви; в 1945 г. переселился в Германию; в 1951–1967 гг. был настоятелем Свято-Михайловской церкви в Мюнхене. — *Авт.*

В 1960-е гг. в Мюнхене вышел курс академических лекций В. П. Виноградова в двух выпусках: *Виноградов В. П., протопресвитер, профессор Московской Духовной Академии (1909–1922)*. Пастырское богословие. *Pastoralteologie*. Из академических лекций. Вып. 1 (К 40-летию пастырского служения автора). 1962. 92 с. Вып. 2 (К 80-летию автора). 1965. 62 с. — *Ред.*

¹⁰⁷ Магистерская диссертация: *Виноградов В. П. Уставные чтения: Историко-гомилетическое исследование*. Вып. 1: Уставная регламентация чтений в Греческой Церкви. СПб, 1914.

¹⁰⁸ Феодор (Поздеевский) (1876–1937), архиепископ. Выпускник Костромской ДС (1896), кандидат КазДА (1900), принял монашеский постриг на последнем курсе Академии. В 1900/1 уч. г. профессорский стипендиат КазДА. С 1901 г. преподаватель Калужской ДС; с 1902 г. инспектор Казанской ДС; с 1903 г. магистр богословия; с 1904 г. ректор Тамбовской ДС в сане архимандрита. С 1906 г. ректор МДС; с

ния, положенного ректору по Уставу¹⁰⁹, епископ Феодор выбрал себе пастырское богословие с аскетикой. Это сочетание вполне отвечало богословским убеждениям владыки: «Вложена живая душа в тело и осмыслена и оживотворена самая наука Пастырского Богословия»¹¹⁰. Среди своих предшественников, составлявших курсы пастырского богословия, епископ Феодор выделял лишь преосвященного Антония, который пытался раскрыть существо пастырского богословия, его идейно-психологическую сторону. Все остальные варианты, представлявшие пастырское богословие в историческом аспекте — как историю пастырства и пастырского богословия или в виде системы обязанностей пастыря, — далеко уходили от существа пастырского служения. Поэтому пастырское богословие искало и не могло найти самостоятельной основы, а заимствовало элементы из соприкасающихся с ним наук: гомилетики, литургики, канонического права¹¹¹. Свой глубокий жизненный смысл все христианство и пастырское богословие по преимууществу обретает в духовной жизни, которая неотделима от аскетики. Более того, владыка Феодор считал, что «на аскетической почве должно быть перестроено вообще все наше Богословие: Аскетика должна быть органически связана с Богословием, в его не традиционной, а церковно-богословской постановке...»¹¹².

Концепция пастырского богословия владыки Феодора строилась на главном понятии — аскетике¹¹³. Органическая связь аскетизма и аскетики с пастырством и учением о пастырстве (как это установил новый

1909 г. ректор МДА в сане епископа Волоколамского, викария Московской епархии. С 1 мая 1917 г. настоятель московского Свято-Данилова монастыря, с освобождением от должности ректора МДА. С 1920 г. большую часть времени провел под арестом, в лагерях или ссылках. 23 октября 1937 г. расстрелян.

¹⁰⁹ Ректор должен был читать лекции «по отделу той или другой богословской науки по своему выбору, имея, однако, не более двух одночасовых лекций в неделю, по возможности в пределах общего расписания лекций» (Устав 1910 г. § 35. С. 416).

¹¹⁰ Феодор (Поздеевский), еп. 1911. С. 13.

¹¹¹ См. там же.

¹¹² Там же. С. 51.

¹¹³ Феодор (Поздеевский), еп. 1911. См. также: Он же. К вопросу о страданиях // БВ. 1909. Т. 3. № 10. С. 286–311 (2-я пагин.); Он же. Путь духовной мудрости: Из речи на молебне перед началом учебного года в Московской Духовной Академии 1 сентября 1909 г. // БВ. 1910. Т. 1. № 1. С. 54–58 (2-я пагин.).

академический Устав сочетанием их в одну кафедру) определялся самой природой пастырского служения. А природа пастырского служения вполне определялась идеей и природой Церкви, в коей и ради коей пастырь и должен только работать и которая (т. е. идея Церкви) в системе христианского, а, следовательно, и пастырско-христианского мировоззрения занимает и должна занимать центральное место. Владыка Феодор рассказывал об аскетизме вообще и об аскетике как науке в ее составе, указывая на ценность ее материала¹¹⁴. В аскетике он выделял основоположительную часть (необходимость подвига для нравственного совершенствования и содержание самого подвига в его многообразии и сложности) и специальную часть (раскрытие самого процесса подвижничества в его основных сторонах, главных исходных моментах и проявлениях). Материалом для аскетики являются произведения христианских подвижников. Велико значение аскетики для пастырского богословия, а также для идеи Церкви в целом, для христианского мировоззрения вообще и, в частности, для мировоззрения пастыря. Органическая связь аскетизма и аскетики с пастырством и учением о пастырстве, по мнению владыки Феодора, прежде всего определяется самой природой пастырского служения. А она, в свою очередь, определяется идеей и природой Церкви, в которой и ради которой пастырь должен работать и которая занимает центральное место в системе христианского, а, следовательно, и пастырского мировоззрения. Епископ Феодор отрицал наличие особой пастырской аскетики, имеющей свои собственные положения, не сводимые к общехристианской аскетике. Точно также он отрицал сугубо пастырский характер «сострадательной любви», считая ее общехристианским даром. В этом епископ Феодор не сходил с своим наставником, будущим митрополитом Антонием (Храповицким), хотя ряд идей последнего, прежде всего связанных с резким противопоставлением восточной и западной традиций, Церкви и государства, христианства и современной цивилизации, был органично усвоен учеником. Согласно епископу Феодо-

¹¹⁴ См. в связи с этим разделом магистерскую диссертацию архиепископа Феодора: *Феодор (Поздеевский), иером.* Аскетические воззрения преподобного Иоанна Кассиана Римлянина. Каз., 1903.

ру, «пастырская аскетика» предполагала не столько учение об особом внутреннем устроении пастыря, но глубокое знание им общих основ аскетического делания, которые он мог бы применить и по отношению к себе, и по отношению к пастве. Главное в деятельности пастыря — внутренняя духовная работа, спасение себя и других, возрождение и руководство их к новой благодатной жизни. Чтобы вести ко спасению других, пастырь, прежде всего, должен сам опытно переживать истину спасения о Христе в личной жизни, поэтому так необходим личный аскетизм. Иначе говоря, пастырская аскетика — это аскетика для пастыря, и вся святоотеческая традиция христианской аскетики («Добротолубие», отцы-аскеты) является основой для пастырской аскетики и пастырского богословия. Владыка Феодор подчеркивал, что опора на аскетику является характерной чертой *православного* пастырского богословия, поэтому невозможно адекватное перенесение на православную почву принципов пастырского богословия иных конфессий. Католическое богословие признаёт больше дисциплину, а не процесс духовно-аскетического творчества, протестантизм отрицает сам подвиг при спасении. В православии же аскетика может быть и должна быть наукой¹¹⁵.

Как и в предыдущие эпохи, неизменной существенной составляющей пастырской подготовки были студенческие проповеди. Однако в начале XX в. проповеди произносились не только в академическом храме, но и в других церквях Сергиева Посада и его окрестностей, а особенно активно — после создания Пастырско-просветительского братства. В архиве МДА сохранились проповеднические журналы академического Pokровского храма, а также Никольской и Михайло-Архангельской церквей г. Сергиева Посада, которые опекало Пастырско-просветительское братство при МДА¹¹⁶. В академическом журнале сохранились записи о 390 проповедях, произнесенных преподавателями и студентами Акаде-

¹¹⁵ См.: Феодор (Поздесевский), еп. 1911. С. 47.

¹¹⁶ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 3. Д. 352. Расписание проповедей 1912–1913 г.; Там же. Д. 380. Расписание проповедей 1915–1917 гг.; Там же. Д. 906. Проповеднический журнал академической церкви 1907–1916 гг.; Там же. Д. 348. Проповеднический журнал Никольской Сергиева Посада церкви 1911–1917 гг.; Там же. Д. 938. Проповеднический журнал Краснояковской Михайло-Архангельской церкви 1911–1916 гг.

мии в 1907—1916 гг. Показательна и статистика этих проповедей: если в 1909/10 уч. г. сохранились записи о 103 проповедях, то в 1913/14 уч. г. — лишь о 5, причем «перелом» приходится на 1910 г.¹¹⁷ Тематика студенческих проповедей уже не ограничивается библейскими чтениями: так, в марте-апреле 1911 г. студентами был произнесен цикл проповедей о Таинствах (Крещения, Миропомазания, Покаяния, Святого Причащения, Брака); в ноябре-декабре 1913 г. — по существу цикл лекций о Божественной Литургии (о Литургии в целом, о проскомидии и Литургии оглашенных, о Литургии верных).

В проповеднических журналах «внешних» церковью зафиксировано (тема и основные тезисы) 119 проповедей, произнесенных студентами МДА в Никольской церкви в течение 1911—1917 гг., и 139 проповедей, произнесенных в Михаило-Архангельской церкви в течение 1911—1916 гг. Наиболее активно студенты проповедовали в 1912/13 уч. г.: в Никольском храме в этот год было произнесено 34 проповеди, в Михаило-Архангельском — 42. На каждый год назначался «заведующий церковью» из студентов, который занимался организацией и составлял расписание проповедей. Тематика «вольных» студенческих проповедей охватывает не только три привычных варианта, посвященные дневным Евангельским или Апостольским чтениям, нравственно-социологическим темам, празднику или святому, память которого праздновалась в это день, но и церковно-общественным или политическим событиям¹¹⁸. Среди студентов-проповедников — а всего в учебном году в каждой из церквей проповедовало от 5 до 13 студентов, каждый из которых произносил от 1 до 8 проповедей — можно выделить активную группу. Проповедническая деятельность этих студентов нередко тесно сочеталась с их научными интересами. Так, активный проповедник и «заведующий церковью» в Никольском храме в 1911/12 уч. г. Гавриил Лобов писал выпускное сочинение на тему «Фе-

¹¹⁷ В 1907/8 уч. г. есть записи о 97 проповедях, в 1908/9 — о 78, в 1909/10 — о 103; в 1910/11 — о 29, в 1911/12 — о 26, в 1912/13 — о 17, в 1913/14 — о 5, в 1914/15 — о 24, в 1915/16 — об 11.

¹¹⁸ Например: «Самодержавный государственный строй в России есть произведение веры православной», «Тяжелое положение войны с Турцией», «Может ли христианин быть воином?».

офан, епископ Тамбовский, как проповедник»¹¹⁹. Преемник Г. Лобова по заведованию Никольским храмом Николай Колчицкий (при выпуске уже священник)¹²⁰ писал кандидатское сочинение на тему «Христианское богослужение по творениям св. Иоанна Златоустого»¹²¹. Его однокурсник Александр Щукин писал кандидатское сочинение на тему «Преподобный Петр Дамаскин и его аскетические взгляды»¹²². Сочетание научного исследования и церковной практики с осознанием своего предназначения позволяло иногда даже не слишком сильным студентам писать очень хорошие кандидатские диссертации, что особо отмечалось рецензентами¹²³. Однако активное проповедничество не препятствовало и другим богословским интересам студентов. Так, один из участников проповеди в Никольском храме Аркадий Оглоблин писал выпускное сочинение на тему «История Ассирии и книга пророка Наума»¹²⁴. Любопытно, что один из самых активных проповедников и «заведующий церковью» (Никольской) Дмитрий Соловьев на 4-м (выпускном) курсе не представил официальную учебную проповедь и не сдал экзамена по гомилетике, почему и не был своевременно выпущен из Академии¹²⁵.

¹¹⁹ См. отзывы на сочинение Г. Лобова профессоров Академии В. П. Виноградова и Д. И. Введенского: ЖС МДА за 1914 год. СП, 1915. С. 362–364.

¹²⁰ Николай Федорович Колчицкий (1890–1961), протопресвитер. Выпускник Черниговской ДС (1911) и МДА (1915). С 1918 г. священник Благовещенского собора в Харькове; с 1923 г. священник храма Богоявления в Елохове, с 1924 г. настоятель этого храма. С 1956 г. председатель Учебного комитета при Священном Синоде.

¹²¹ См. отзывы на сочинение священника Н. Колчицкого профессоров Академии священника Илии Гумилевского и А. М. Туберовского: ЖС МДА за 1915 год. СП, 1916. С. 268–272.

¹²² См. отзывы на сочинение А. Щукина ректора Академии епископа Феодора и и. д. доцента Академии иеромонаха Пантелеимона (Успенского): ЖС МДА за 1915 год. СП, 1916. С. 379–384.

¹²³ Это замечание относится, в частности, к священнику Николаю Колчицкому (24-й по разрядному списку, но кандидатское сочинение отмечено как очень хорошее), отчасти — к А. Щукину (10-й по разрядному списку, сочинение оценено как очень серьезное самостоятельное исследование).

¹²⁴ См. отзывы на сочинение А. Оглоблина профессоров Академии иеромонаха Варфоломея (Ремова) и священника Илии Гумилевского: ЖС МДА за 1914 год. СП, 1915. С. 370–376.

¹²⁵ См.: ЖС МДА за 1916 год. СП, 1917. С. 62.

Проект последнего Устава духовных академий, разработанный в 1917–1918 гг., выделял в качестве одного из основных направлений специализации церковно-практическое, состоящее из пастырского богословия (с аскетикой, катехетикой и историей миссий), церковного права, истории проповедничества и гомилетики, литургики, церковной археологии и истории христианского искусства, истории старообрядчества и разбора его учений, истории сектантства и разбора его учений, истории социальных учений, педагогики с методикой преподавания Закона Божия¹²⁶. Этот проект и, в частности, проблемы церковно-практического — пастырского — направления обсуждались на заседаниях комиссии профессоров духовных Академий в мае-июне 1917 г.¹²⁷. От МДА в комиссию были избраны профессора И. В. Попов, М. М. Тареев, Н. Л. Туницкий. Каких-либо указаний и рассуждений по поводу особой постановки этих предметов, практик, связанных с их учебным освоением и применением научных достижений богословия к жизни Церкви, проект Устава не содержал, не успели этот вопрос достаточно полноценно обсудить и на заседаниях Отдела о духовных академиях Поместного Собора. Однако эта ущербность отчасти восполнялась обсуждениями актуальных проблем церковной жизни и их связи с богословской наукой. Такие обсуждения проходили не только в рамках Отдела о духовных Академиях, но также Отделов о благоустройении прихода, о единоверии и старообрядчестве, о миссиях, о богослужении и других и на пленарных заседаниях Собора.

Следует попутно отметить еще один учебный проект 1917 г., имеющий отношение к МДА, — проект Высшей церковно-богословской школы, разработанный бывшим ректором Академии епископом Волоколамским Феодором (Поздеевским) и архимандритом Гурием (Степановым)¹²⁸. В проекте Высшей церковно-богословской школы

¹²⁶ Проект Нормального Устава Православных Духовных Академий 1917–1918 гг. § 123 (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 382. Л. 77–78).

¹²⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. Д. 91. Л. 47–49.

¹²⁸ Проект Высшей церковно-богословской школы был разработан во исполнение решения Съезда ученого монашества, состоявшегося в июле 1917 г. в Троице-Сергиевой Лавре, и передан в Отдел о духовных академиях для составления мотивированного заключения (см.: Всероссийский съезд ученого монашества (7–14 июля 1917 г.). М.,

жестко критиковались существующие духовные академии как не соответствующие званию православных церковных школ и, тем более, пастырских и предлагался новый вариант таковых. Акцент ставился на изучении Священного Писания, святоотеческого наследия и агиографии, отчасти сокращалось систематическое богословие и философия, выводилась большая часть гуманитарных предметов. Но главное — особый акцент предлагалось поставить на системе воспитания студентов как будущих пастырей, специальной аскезе, реализуемой в монастырском режиме. Проект подвергся в заседаниях академического Отдела серьезной критике, но окончательный вариант отзыва был достаточно доброжелателен¹²⁹. 14 (27) декабря 1918 г. состоялось определение Высшего Церковного Управления: одобрить в принципе проект Высшей церковно-богословской школы, поручив авторам его доработать; но принять содержание этой высшей школы на счет центральной церковной казны лишь тогда, когда для этого явятся благоприятные условия¹³⁰. Однако этому проекту, как и проекту традиционных духовных академий, не суждено было реализоваться¹³¹.

Таким образом, Московская духовная академия за период своего развития с XVII до начала XX в. накопила значительный опыт, связанный с пастырской подготовкой и пастырским богословием. В этой истории, с одной стороны, отражались общие тенденции, характерные для высшей духовной школы в целом, с другой стороны, проявлялись и особые черты, обусловленные московской духовно-учебной традицией и конкретными личностями. Как кажется на первый взгляд, это был больше опыт постановки вопросов — принципиальных или случайных, ситуационных, — чем опыт положительных решений. Однако при более подробном изучении и глубоком осмыслении становится ясно, что

1917; Церковные ведомости. 1917. № 22–23. С. 146–147; ВЦОВ 68, 70–76, 80. 1917; БВ. 1917. № 6/7. С. 143–144).

¹²⁹ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 383. Л. 9–20. Доклад «О Высшей церковно-богословской школе» Собор передал на разрешение органов Высшего Церковного Управления.

¹³⁰ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 21. Л. 149–149 об.

¹³¹ См.: Сухова Н. Ю. Ученое монашество в России: научно-богословская деятельность и проблема консолидации // Сухова 2007. С. 314–323.

этот мучительный поиск, хотя и не дал единого решения, не вызывавшего критики и замечаний ни в постановке пастырского богословия и сопряженных с ним дисциплин, ни в практической организации пастырской подготовки студентов, однако представил богатую палитру подходов, осмыслений. Разные варианты сочетания пастырского богословия с сопряженными дисциплинами — нравственным богословием, гомилетикой, педагогикой — позволяли более отчетливо определить место самого «пастырского стержня» в комплексе научного богословия. Каждый из учебных курсов, давая то или иное определение самого предмета изучения, методов, цели и задач, делал определенный вклад в формирование пастырского богословия как науки и предмета изучения. Сохранившиеся курсы — митрополитов Сергия (Ляпидевского) и Антония (Храповицкого), архиепископа Феодора (Поздеевского) — знаменуют основные вехи на пути развития пастырского богословия в МДА. Попытки сочетать научно-богословское образование и пастырскую подготовку обострили и углубили само понимание неразрывной связи церковного богословия и пастырского служения. И выпускники Академии, служившие Русской Церкви в архиерейском и иерейском сане на монашеском, приходском, духовно-учебном, миссионерском поприщах, засвидетельствовали плодотворность этих поисков и опытов.

ЛИТЕРАТУРА

- Евдоким, еп. 1915* — *Евдоким, еп.* Доброе прошлое Московской Духовной Академии. СПб., 1915.
- Изменения 1911 г. — Высочайше утвержденные 29 июля 1911 г. изменения действующего Устава духовных академий // ПСЭРИ. 3-е собрание. Т. 31. СПб., 1913. № 35704.
- Сухова 2007* — *Сухова Н. Ю.* Вертоград наук духовный: Сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX — начала XX века. М., 2007.
- Устав 1884 г. — Высочайше утвержденные 20 апреля 1884 г. Устав и штаты православных духовных академий // ПСЭРИ. 3-е собрание. Т. 4. СПб., 1887. № 2160.

Устав 1910 г. — Высочайше утвержденные 2 апреля 1910 г. Устав и штаты православных духовных академий // ПСЗРИ. 3-е собрание. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 33274.

Феодор (Поздеевский), еп. 1911 — Феодор (Поздеевский), еп. Из чтений по Пастырскому богословию (Аскетика). СПб, 1911 (*Феодор (Поздеевский), архиеп.* Смысл христианского подвига: Из чтений по пастырскому богословию архиепископа Феодора, ректора Московской Духовной Академии. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995; СПб, 2000)

Филарет, свт. Собрание мнений — Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, изданное под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: В 5 т. СПб., 1885—1887.